

Чужая страна

Автор:

Чарльз Камминг

Чужая страна

Чарльз Камминг

Амелия Левен #1Иностранный детектив

Загадочные и страшные события, которые произошли в разное время и на разных континентах, сначала не привлекли большого внимания. В конце 1990-х в Тунисе бесследно исчезла молодая помощница по хозяйству, оставив в неведении влюбленного в нее соблазнителя. Годы спустя в египетском Шарм-эль-Шейхе с невероятной жестокостью были убиты приехавшие на отдых супруги из Франции. Вскоре после этого на темной улице Парижа похитили молодого французского бухгалтера. Но когда на юге Франции пропала Амелия Левен, которой в скором времени предстояло взять на себя роль первой женщины-начальника МИ-6, британская Секретная разведывательная служба столкнулась едва ли не с самым серьезным кризисом в своей истории. Отчаявшись не только найти Левен, но и не допустить, чтобы скандал просочился в прессу, британские высокопоставленные разведчики обращаются к Томасу Келли – одному из своих опальных экс-офицеров. Устремляясь по следу, который приводит его во Францию, а затем в Тунис, Келли раскрывает шокирующий тайный заговор, который может иметь необратимые последствия для Великобритании и ее союзников. И понимает, что только он один способен предотвратить катастрофу...

Чарльз Камминг

Чужая страна

Посвящается Кэролайн Хэнбери

– Думаю, перед тем как вы приступите к работе, мне следует кое о чем вас предупредить. И не забывайте об этом. Если вы добьетесь успеха, никто не скажет вам спасибо, если же попадете в беду, никто вас не выручит. Устраивает вас это?

– Вполне.

– Тогда позвольте с вами проститься.

У.С. Моэм. Эшенден

Прошлое – это другая страна: там все иначе.

Л.П. Хартли. Посредник

Тунис, 1978

Глава 1

Жан-Марк Домаль проснулся от детского плача и монотонного призыва на молитву. Было семь часов утра. Очередное жаркое, душное утро в Тунисе. Он открыл глаза, зажмурился от яркого солнца и несколько раз моргнул. Первые несколько секунд он еще не помнил о том ужасном, что случилось, но уже через мгновение реальность накрыла его с головой. Он уставился в беленый, покрытый трещинами потолок и чуть не застонал от отчаяния. Женатый мужчина сорока одного года, с разбитым вдребезги сердцем.

Амелии Уэлдон не было уже шесть дней. Она ушла без объяснений, без предупреждения, без прощальной записки. Буквально только что присматривала за его детьми, готовила им ужин, читала книжки на ночь, а в следующий миг бесследно исчезла. В субботу, на рассвете, жена Жан-Марка, Селин,

обнаружила, что комната няни пуста и вещи ее отсутствуют. В шкафу не было чемоданов Амелии, со стен были сняты все ее плакаты и фотографии. Из семейного сейфа, стоявшего в кладовке, пропал паспорт Амелии и ожерелье, которое она отдала Домалиям на хранение. Двадцатилетняя англичанка с приметами Амелии не садилась на паром до Европы в порту Хальк-эль-Уэд; женщина по имени Амелия Уэлдон не значилась ни в одном списке пассажиров, вылетающих из Туниса. Она не регистрировалась ни в одной гостинице или хостеле. Никто из студентов и экспатов, с которыми общалась Амелия, понятия не имел, где она может быть. Представляясь обеспокоенным работодателем, Жан-Марк навел справки в британском посольстве, послал телекс в агентство по найму в Париже, которое подобрало им Амелию, и позвонил ее брату в Оксфорд. Никто не мог пролить свет на ее загадочное исчезновение. Единственное, что утешало Жан-Марка, – это что тело Амелии не было обнаружено в одном из темных грязных переулков Туниса или Карфагена. Или что ее не доставили в больницу с острым приступом какой-нибудь болезни. Это отняло бы ее у него навсегда. Женщина, благодаря которой он познал утонченные муки запретной любви, ставшая для него наваждением, испарилась, словно туман в ночи.

Дети продолжали кричать. Жан-Марк откинул белую простыню, которой накрывался, сел в кровати и потер ноющую поясницу.

– Тибо, говорю тебе в последний раз, – донесся снизу раздраженный голос Селин. – Ты не будешь смотреть мультфильмы до тех пор, пока не закончишь завтракать.

Жан-Марк еле сдержался, чтобы не сбежать вниз и от души не отшлепать сына по попке, обтянутой пижамными шортами с Астериксом. Сделав над собой усилие, он осушил полупустой стакан с водой, стоявший на прикроватной тумбочке, раздвинул занавески и вышел на балкон второго этажа. Поверх крыш Ла-Марсы взглянул на море. Далеко у линии горизонта с запада на восток двигался танкер; он был в двух днях пути от Суэца. Может быть, Амелия уплыла на частной яхте? Гуттман как раз держал в Хаммамете яхту. Гуттман – богатый американский еврей, с огромными связями; поговаривали, что он имеет какое-то отношение к МОССАДу. Жан-Марк прекрасно видел, как он смотрел на Амелию. Этот человек, равнодушный абсолютно ко всему на свете, теперь, видимо, желал получить ее в качестве приза. Неужели это он забрал ее у Жан-Марка? У него не было оснований для ревности; лишь страх оказаться в унижительном положении рогоносца.

Все его тело онемело от недостатка сна. Из соседнего сада доносился запах свежее испеченного хлеба. Жан-Марк уселся на пластмассовый стул и заметил почти пустую пачку Mars Leg?re. Он вытащил одну сигарету и закурил, закашлявшись от первой утренней затяжки.

В спальне раздались шаги. Детский плач прекратился. В дверях балкона появилась Селин.

– Ты встал, – заметила она таким тоном, что Жан-Марк возненавидел ее еще больше. Он знал, что Селин винит в произошедшем именно его. Но правды она, конечно, не знала. Если бы она догадывалась, что именно связывало Амелию и Жан-Марка, возможно, теперь даже утешила бы его в горе. В конце концов, ее собственный отец, оставаясь женатым на матери, сменил десятки любовниц. Интересно, почему она просто не уволила Амелию? Тогда он хотя бы не страдал, как сейчас. На секунду Жан-Марк подумал, что Селин специально оставила Амелию в доме с целью помучить его.

– Я встал, – наконец ответил он.

Но Селин уже ушла принимать свой ритуальный ледяной душ, растирать жесткой щеткой измененное беременностью и родами тело. Теперь оно вызывало у него только отвращение. Жан-Марк затушил сигарету, вернулся в спальню, подобрал с пола свой скомканный халат и спустился в кухню.

Фатима, одна из двух служанок, предоставленных Домаям вместе с домом французскими работодателями Жан-Марка, надевала фартук. Не обращая на нее внимания, он взял с плиты кофейник и сделал себе кофе-о-лэ. Тибо и Лола хихикали над чем-то в соседней комнате, но сейчас ему не хотелось их видеть. Жан-Марк заперся в своем кабинете, сел за стол и стал прихлебывать кофе из большой чашки. Каждая комната, каждая деталь, каждый запах в этом доме был связан с Амелией. В этом кабинете они впервые поцеловались. Под олеандровыми деревьями позади дома, что виднелись сейчас из окна, они в первый раз занялись любовью. Поздней ночью, когда Селин крепко спала. Жан-Марк здорово рисковал, выскальзывая из супружеской кровати в два-три часа утра, чтобы быть с Амелией, обнимать ее, трогать, целовать, мять ее податливое тело, от которого он пьянел как от вина. Это было так глупо, что он чуть не рассмеялся вслух. Да он просто романтичный, исполненный жалостью к самому себе идиот. Сколько раз он хотел признаться во всем Селин! Описать ей каждую деталь их романа с Амелией. Номера в отелях Туниса, где они

встречались. Пять дней в Сфаксе, что они провели вместе – пока Селин с детьми была в Боне. Жан-Марк прекрасно понимал, что ему нравится обманывать Селин. Он всегда это знал. Это была своего рода месть за их скучную, пресную семейную жизнь. Ложь помогала ему сохранить рассудок. Амелия тоже это понимала. Возможно, это их и связало – общая любовь к обману. Жан-Марка поражало умение Амелии замечать следы, ее хитроумные уловки; у Селин ни разу не появилось и тени подозрения. Он вспомнил якобы невинные разговоры за завтраком – «Спасибо, я спала очень хорошо!», подчеркнутое равнодушие Амелии к нему, Жан-Марку, в присутствии Селин. Именно Амелия предложила ему платить за номера в отелях наличными, чтобы это не отразилось в банковских счетах. Когда они стали встречаться, она прекратила пользоваться духами, чтобы аромат Hermès Calèche не проник в супружескую постель. Жан-Марк не сомневался, что она получала огромное удовольствие от этих порочных игр.

Зазвонил телефон. Им редко звонили в такую рань – не было еще и восьми утра, и Жан-Марк тут же решил, что это Амелия. Он схватил трубку.

– Oui? – почти в отчаянии воскликнул он.

Ему ответил женский голос с американским акцентом:

– Джон Марк?

Жена Гуттмана. Белая кость, американская аристократия, дочь сенатора с фамильным состоянием, которое досталось семье от предков, приплывших в Америку на «Мэйфлауэр».

– Джоан?

– Да, это я. Я не вовремя?

Как всегда, Джоан говорила с ним по-английски. Ей даже в голову не приходило, что разговор с французом может вестись по-французски. Какое нахальство. Ни Джоан, ни ее муж и не пытались выучить французский – хотя бы основы языка. Только немного арабского. Но у Жан-Марка не было сил возмущаться по этому поводу.

– Нет, все нормально. Я как раз собирался на работу. – Скорее всего, Джоан хочет договориться о том, чтобы провести день вместе с детьми, на пляже, подумал он. – Хотите поговорить с Селин?

Джоан немного помолчала.

– На самом деле я хотела поговорить с вами, – сказала она совсем другим тоном. Не заученно оптимистическим, как обычно, а деловым и даже суховатым.

– Со мной?

– Это касается Амелии.

Значит, Джоан все знает, пронеслось у него в голове. Что она собирается делать? Рассказать обо всем Селин?

– А что такое? – неприязненно поинтересовался он.

– Она просила меня кое-что вам передать.

– Вы ее видели?

Это было невероятно – словно близкий человек, которого все считали умершим, оказался вдруг живым и здоровым. Жан-Марк мгновенно поверил, что Амелия непременно к нему вернется.

– Видела, – подтвердила Джоан. – Она очень о вас беспокоится.

Беспокоится! Жан-Марк ухватился за эти слова, словно голодная собака за кость. Но надо было сохранять видимость приличий.

– Ну да, да, Селин и дети тоже очень беспокоились. Только что она была с нами – и вдруг исчезла...

– Селин и дети тут ни при чем. Она беспокоится о вас. Надежда вдруг резко покинула его – словно порыв ветра захлопнул дверь.

– Обо мне? Я не понимаю.

Джоан снова помолчала. Они с Амелией были очень близки. С тех пор как Гуттман очаровал ее своим шармом и деньгами, Джоан стала играть по отношению к Амелии роль этакой заботливой старшей сестры. Образчика элегантности и утонченности, к которому она должна стремиться.

– Я думаю, вы все прекрасно понимаете, Джон Марк. Игра окончена, подумал он. Их связь стала всеобщим достоянием. Все знают, что Жан-Марк Домаль, как дурак, безнадежно влюбился в двадцатилетнюю няню своих детей. Он станет посмешищем в сообществе экспатов.

– Я хотела встретиться с вами до того, как вы уйдете на работу. Хочу вас заверить – никто ни о чем не знает. Я ничего не говорила Дэвиду и не буду рассказывать Селин.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Жан-Марк.

– Амелия уехала из Туниса. Прошлой ночью. Она собирается некоторое время попутешествовать. Она просила передать, что ей очень жаль, что все так сложилось. Ей не хотелось причинять вам боль и вот так, без предупреждения, бросать вашу семью. Вы очень и очень ей небезразличны. Просто... Амелия так больше не смогла. Она запуталась в своих чувствах. Вы меня понимаете, Джон Марк?

– Я вас понимаю.

– Можете сообщить Селин, что это звонила Амелия. Из аэропорта. И скажите детям, что она не вернется.

– Я так и сделаю.

– Мне кажется, все это только к лучшему. Вы так не считаете? И постарайтесь забыть о ней.

Глава 2

Филипп и Жаннин Мало, проживавшие в Париже на улице Пельпорт, 79, планировали свою поездку в Египет больше года. Это был отпуск их мечты. Филипп, который недавно вышел на пенсию, отложил для этих целей три тысячи евро. Ему удалось найти авиакомпанию, предлагавшую доставить их в Каир (и ничего страшного, что в шесть часов утра) за меньшую цену, чем стоит нанять такси до аэропорта Шарль де Голль и обратно. В Интернете они разыскали лучшие отели Каира и Луксора, а также не упустили скидку в шестьдесят процентов, которую предоставлял один из роскошных курортных отелей в Шарм-эль-Шейхе. На этом курорте они собирались провести последние пять дней своего путешествия.

Супруги Мало прибыли в Каир в жаркий и влажный летний день. Едва переступив порог своего гостиничного номера, они занялись любовью. Потом Жаннин принялась разбирать чемоданы, а Филипп лежал на кровати и читал роман Нагиба Махфуза «Эхнатон, живущий в правде». Роман нравился ему не очень. После небольшой прогулки по окрестностям они поужинали в одном из трех ресторанов отеля и еще до полуночи заснули как убитые, под приглушенный шум каирских улиц.

Затем последовали три восхитительных, хотя и немного утомительных дня. У Жаннин было небольшое расстройство желудка, но они все равно отправились в Каирский музей и провели там целых пять часов, глаза на удивительные экспонаты. Жаннин заявила, что она «потрясена» сокровищами из гробницы Тутанхамона. На второй день, сразу после завтрака, Филипп и Жаннин взяли такси и поехали к пирамидам. Как и все, кто посещает Египет в первый раз, они поразились, заметив, что пирамиды возвышаются всего в нескольких сотнях метров от самой обычной городской окраины. Преследуемые продавцами сувениров и доморощенными гидами, наперебой предлагавшими им свои услуги, они обошли всю местность. Это заняло у них два часа. Потом они попросили какого-то бритоголового немца-туриста сфотографировать их на фоне Сфинкса. Жаннин мечтала побывать в пирамиде Хеопса, но ей пришлось пойти туда одной. Филипп слегка страдал от клаустрофобии, а один из бывших коллег

предупредил его, что внутри пирамиды очень тесно и невероятно жарко. От счастья, что ее детская мечта наконец-то сбылась, Жаннин заплатила египтянину около пятнадцати евро местными деньгами, чтобы покататься на верблюде. Всю короткую дорогу верблюды стонали, и от него сильно пахло соляной кислотой. На следующий день за обедом Жаннин попыталась систематизировать фотографии в их цифровой камере и нечаянно стерла фото мужа, гордо восседающего верхом на корабле пустыни.

Следуя рекомендациям, вычитанным во французском модном журнале, они выехали в Луксор ночным поездом и забронировали номер в самом «Уинтер Палас» – хотя и в «Павильоне», современном четырехзвездном крыле, пристроенном к старому колониальному зданию отеля. Местная туристическая компания предлагала путешествие в Долину царей на осле; выезд должен был состояться в пять утра. Супруги Мало конечно же не могли не поучаствовать. В шесть часов утра им посчастливилось наблюдать великолепнейший восход солнца над храмом Хатшепсут. Следующий за этим день они согласно признали лучшим днем отпуска – Жаннин и Филипп отправились на экскурсию по храмам Дендеры и Абу-Хисна. В свой последний день в Луксоре они взяли такси и посетили Карнакский храм и остались там до самого вечера, чтобы посмотреть знаменитое лазерное шоу. Филипп заснул уже минут через десять после начала.

Во вторник они были уже в Шарм-эль-Шейхе, на Синайском полуострове. В отеле были целых три бассейна, салон красоты, два бара, девять теннисных кортов и достаточно охраны, чтобы остановить целую армию исламских фанатиков. В первый вечер Жаннин и Филипп решили немного прогуляться по пляжу. Несмотря на то что отель был забит под завязку, других отдыхающих видно не было. Светила луна. Они сошли с мощеной дорожки, обогнавшей отель, и ступили на мягкий, еще теплый песок.

Потом полиция установила, что нападавших было минимум трое. Они были вооружены ножами и металлическими прутьями. С Жаннин сорвали ожерелье – жемчужины раскатились по песку – и золотое обручальное кольцо. На шею Филиппу накинули петлю, один из убийц запрокинул его голову, а другой перерезал горло и несколько раз ударил ножом в грудь и в ноги. Он истек кровью за несколько минут. В рот Жаннин засунули кляп из куска простыни, который заглушил ее крики. Ей тоже перерезали горло. Ее руки были покрыты страшными кровоподтеками, на животе и бедрах остались следы от ударов металлическим прутком.

Молодая канадская пара, проводившая в соседнем отеле медовый месяц, заметила какое-то движение на пляже и расслышала сдавленные крики мадам Мало, но не смогла ничего разглядеть в тусклом свете убывающей луны. К тому времени, когда они добежали до места преступления, люди, напавшие на пожилых французов, растворились в ночи. Сцена выглядела поистине страшно. Египетские власти почти сразу же замяли дело. Было решено, что это спонтанное убийство, совершенное «гастролерами», и что подобное вряд ли может повториться снова.

Глава 3

Взять человека на улице не труднее, чем зажечь сигарету, говорили ему. Ожидая начала операции в микроавтобусе, Аким Эррахиди был уверен, что справится со всем на отлично.

Был конец июля, понедельник, поздний вечер. Объекту было присвоено кодовое имя Холст. Четырнадцать дней они наблюдали за всеми его передвижениями. Телефонные разговоры, электронная почта, спальня, машина – команде были известны все подробности жизни объекта. Аким не мог не признать, что парни, которые занимались сбором информации, проделали блестящую работу. Они не упустили ничего, продумали каждую деталь. На сей раз он имел дело с профессионалами, и разница действительно была огромной.

Рядом с ним, на водительском месте, сидел Слимман Нассах. Он постукивал пальцами в такт какому-то мотивчику, звучавшему на радио RFM, и в красочных деталях рассказывал, чем бы хотел заняться с Бейонсе Ноулз.

– Какая задница, чувак! Дай мне всего пять минут с этой сладкой задницей.

Он нарисовал в воздухе контуры столь притягательной для него части женского тела и сделал вид, что подносит ее к своей ширинке. Аким засмеялся.

– Выруби это дерьмо, – коротко приказал босс. Он сидел на корточках возле боковой двери, готовый в любую минуту сорваться с места. Слимман выключил радио. – Холст в поле зрения. Тридцать секунд.

Все произошло так, как ему и говорили. Темная улица, срезанный путь, большая часть Парижа давно спит. На другой стороне улицы Аким увидел объект. Он собирался перейти дорогу возле почтового ящика.

- Десять секунд. - Босс был в ударе. - Помните, никакого членовредительства.

Секрет успеха состоял в том, чтобы двигаться как можно быстрее и производить как можно меньше шума. В кино обычно все выглядело наоборот: крики, вопли, тяжелые удары, бойцы подразделения SWAT[1 - SWAT (Special Weapons And Tactics (англ.) - «Особое оружие и тактика» - элитные боевые полувоеенные подразделения американских полицейских департаментов, предназначенные для выполнения опасных операций, аналог российского СОБРа.] с устрашающе-черными автоматами на плечах, крушащие стены, швыряющие светошумовые гранаты. «Это не про нас, - сказал босс. - Мы делаем все по-тихому, без шума и пыли. Мы открываем дверь и хватаем Холста. И так, чтобы никто этого не видел».

- Пять секунд.

Из рации донесся женский голос: «Все чисто». Это означало, что в поле видимости нет случайных свидетелей.

- Пошли.

Это было даже красиво. Отточенные движения, отрепетированные действия, как в балете. Когда объект Холст поравнялся с той дверью, возле которой сидел Аким, одновременно произошли три события. Слимман завел мотор, Аким выскочил наружу, а босс отодвинул боковую дверь микроавтобуса. Если даже объект и понял, что сейчас произойдет, отреагировать он не успел.левой рукой Аким обхватил его за шею, зажав при этом рот, а правой приподнял вверх. Босс сделал все остальное: он подхватил объект за ноги, и вместе они сунули тело в автобус. В мгновение ока Аким забрался следом и захлопнул дверь - они отрабатывали захват десятки раз. Объект уложили на пол.

- Поехали, - спокойно скомандовал босс таким тоном, будто покупал билеты на поезд.

Слимман вывел автобус на улицу.

Вся операция заняла меньше двадцати секунд.

Глава 4

Томас Келл проснулся в чужом доме и в чужой постели, но в городе, слишком хорошо ему знакомом. Было одиннадцать утра; на дворе стоял август; прошло восемь месяцев с тех пор, как он был вынужден оставить свою работу в Секретной разведывательной службе. Ему было сорок два года, он находился в очень плохих отношениях со своей сорокатрехлетней женой и пребывал в ужасающем, невообразимом похмелье, по дикости и яркости сопоставимом разве что с репродукцией Джексона Поллока, висящей на стене его временной спальни.

Черт возьми, да где же он? В голове у Келла роились какие-то смутные воспоминания: вечеринка в Кенсингтоне по случаю чьего-то сорокалетия, набитое такси, бар на Дин-стрит, ночной клуб у черта на куличках, в Хэрни. После этого – полный пробел.

Он откинул одеяло и увидел, что, оказывается, спал в одежде, но без брюк. В одном углу комнаты были свалены игрушки и журналы. Том поднялся с кровати, безуспешно поискал стакан с водой и раздвинул шторы. В горле у него пересохло, а голова раскалывалась, и он невольно поморщился – свет показался ему слишком ярким.

Было серое, ленивое, влажное утро. Как выяснилось, Том провел ночь на втором этаже таунхауса, расположенного на тихой улице неизвестного района. На подъездной дорожке стоял маленький розовый велосипед, прикрученный к столбику толстым, как удав, черным тросом. Метрах в ста от дома автомобиль с эмблемой «Школа вождения Джеки» осторожно выполнял разворот. Он снова задернул шторы и прислушался. В доме было совершенно тихо. Очень медленно, как слова из полузабытого анекдота, к нему начали возвращаться события предыдущего вечера. Даже не события, а отдельные фрагменты. Подносы с напитками – абсент и текила. Танцы в каком-то помещении с низким потолком – кажется, подвальном. Потом Том познакомился с группой чешских студентов, и они долго обсуждали «Безумцев» и Дона Дрейпера. В какой-то момент, как он

отчетливо помнил, он сидел в такси рядом с огромным мужчиной по имени Золтан. В юности у Тома довольно часто случались такие вот алкогольные провалы в памяти, но прошло уже много лет с тех пор, как он последний раз просыпался и не помнил, что произошло с ним накануне. За двадцать лет в секретной службе он познал преимущества, которые появляются у человека, падающего под стол последним.

Том как раз оглядывал комнату в поисках своих штанов, когда зазвонил его мобильный. Номер на экране не определился.

– Том?

В похмельном тумане он не сразу узнал этот голос. Но интонация была такой знакомой...

– Джимми? Господи.

Когда-то они с Джимми Маркуэндом были коллегами. Теперь Джимми являлся одним из первосвященников Секретной разведывательной службы. Он был последним, чью руку пожал Том, покидая здание на Воксхолл-Кросс восемь месяцев назад, в холодное и ясное декабрьское утро.

– У нас проблема.

– А как же светский разговор? – спросил Келл. – Не хочешь поинтересоваться, как у меня с личной жизнью? Или как мне живется-можется на гражданке?

– Это серьезно, Том. Я специально прошел полмили до телефонной будки в Ламбете, чтобы звонок не могли засечь. Мне нужна твоя помощь.

– В частной сфере или профессиональной? – Том наконец нашел свои брюки под одеялом, висевшим на спинке стула.

– Мы потеряли шефа.

Том замер. Он вытянул руку и оперся о стену. Голова вдруг прояснилась; он почувствовал себя трезвым и свежим, как ребенок.

– Что?!

– Она исчезла. Пять дней назад. Никто даже не представляет себе, куда она могла подеваться и что с ней произошло.

– Исчезла? – МИ-6 по праву можно было назвать кружком противников Римингтон[2 - Римингтон Стелла – первая женщина – генеральный директор МИ-5, Службы безопасности, государственного ведомства британской контрразведки. Занимала пост с 1992 по 1996 г.]. Было невозможно представить, что его бывшие сослуживцы с Воксхолл-Кросс, все сплошь мужчины, наконец-то позволили женщине занять самый главный пост в Секретной разведывательной службе. – Когда это случилось?

– Ты многого не знаешь, – заметил Маркуэнд. – Здесь все изменилось. Если мы собираемся разговаривать таким образом, я не могу сказать больше.

«Тогда почему мы вообще разговариваем, – подумал Келл. – Неужели после всего, что случилось, они хотят, чтобы я вернулся? Значит, Кабул и Яссин – все это забыто и похоронено?»

– Я не собираюсь работать на Джорджа Траскотта, – заявил он, тем самым избавив Маркуэнда от необходимости задавать неизбежный вопрос. – И я не вернусь, если Хэйнес по-прежнему остается у руля.

– Только ради этого дела!

– Ни ради какого дела. – Это была почти правда. – Мне начинает нравиться безделье, – неожиданно для себя выговорил Том. А вот это была уже откровенная ложь. По ту сторону провода раздался невнятный шум. Должно быть, это лопнули надежды Маркуэнда.

– Том, это очень серьезно. Нам нужен человек, который в курсе дела. Который знает все тайные механизмы. Ты – единственный, кому мы можем доверять.

Кто такие «мы»? Первосвященники? Те самые люди, которые вышвырнули его из конторы после Кабула? Те, кто с удовольствием сдал его как козла отпущения, когда нужно было предоставить публике виновного?

- Доверять? – переспросил он, нащупывая ногой ботинок.

- Доверять, – повторил Маркуэнд таким тоном, что Том ему поверил.

Он подошел к окну, посмотрел на розовый велосипед, на ученика из «Школы вождения Джеки», совершающего очередной маневр. Что несет ему предстоящий день? Аспирин и дневные передачи по телику. Несколько «Кровавых Мэри», чтобы опохмелиться, в «Грейхаунд Инн». Целых восемь месяцев Том только и делал, что пересчитывал пальцы на руках. Такой была его новая жизнь на гражданке. Восемь месяцев старых черно-белых кинофильмов на канале «Тёрнер Классик». Восемь месяцев в пабах, где он пропивал свое выходное пособие. Восемь месяцев попыток наладить брак, который уже ничто не могло спасти.

- Должен же быть кто-то еще, кто может это сделать, – сказал Том, от души надеясь, что он – единственная кандидатура. Ему очень хотелось снова вернуться в игру.

- Новый шеф – Амелия Левен, – сообщил Маркуэнд. – Она должна официально вступить в должность через шесть месяцев.

Это был козырной туз. Том опустился на кровать и наклонился вперед. Амелия Левен. Это совершенно меняло расклад.

- Вот почему это должен быть ты, Том. Нам надо, чтобы ты ее нашел. Ты был единственным человеком из наших, кто действительно ее знал. – Маркуэнд решил подсластить пилюлю на случай, если Том еще колеблется. – Ведь этого ты и хотел, правда? Тебе был нужен еще один шанс. Сделай это, и дело Яссина будет закрыто. Это распоряжение пришло с самого верха. Найди ее, и мы вернем тебя обратно.

Келл возвратился в свою холостяцкую студию на полуразвалившемся «фиате-пунто», за рулем которого сидел таксист-суданец. На приборной доске такси лежала упаковка леденцов «Локетс» и зачитанный почти до дыр Коран. Как выяснилось, ночь Том провел в доме того самого Золтана, с которым они, вдребезги пьяные, приехали вместе из клуба в Хэрни. Золтан, огромных размеров качок, добродушный и общительный, оказался, кстати, поляком. Эти грязоватые небогатые улочки в Финсбери-парк были ему знакомы. Давным-давно они проводили здесь совместную операцию с МИ-5. Том попытался припомнить детали: член Ирландской республиканской армии, планирующий взрыв в торговом центре... потом, после суда, преступник был отпущен на свободу согласно Белфастскому соглашению. В то время боссом Тома как раз была Амалия Левен.

Ее исчезновение можно было назвать самым серьезным кризисом МИ-6 со времен фиаско с оружием массового поражения в Ираке. Офицеры, да еще такого высокого ранга, не могут вот так, за здорово живешь, раствориться в воздухе. Их не похищают, не убивают, и они не дезертируют. И в особенности они не пропадают ни с того ни с сего за шесть недель до того, как официально вступить в должность главы МИ-6. Если эта новость просочится в массмедиа... господи, да если она просочится хотя бы за пределы Воксхолл-Кросс... это будет равносильно взрыву бомбы.

Дома Том принял душ, доел остатки какой-то еды, купленной в ливанском заведении навынос, и кое-как заглушил похмелье с помощью двух таблеток аспирина и бутылки противно теплой кока-колы. Через час он уже стоял под сикомором в двухстах метрах от входа в галерею «Серпентайн». Джимми Маркуэнд выдвинулся ему навстречу. У него было такое лицо, словно ему только что объявили о преждевременном выходе на пенсию. Джимми, видимо, прибыл сюда непосредственно с Воксхолл-Кросс, и поэтому на нем был строгий костюм и галстук. Но при нем не было кейса, который Джимми обычно брал с собой на деловые встречи. Джимми отличался худощавым телосложением; у него были подтянутая фигура (каждые выходные он всерьез занимался велосипедным спортом) и загорелое круглый год лицо. Его голову украшала копна густых волос, и в МИ-6 Маркуэнд получил прозвище Мелвин. Том напомнил себе, что у него есть полное право отказаться от предложения Джимми. Но делать этого он, разумеется, не собирался. Если Амелия пропала, то найти ее должен он, и только он.

Они обменялись короткими рукопожатиями и пошли к северо-западу, по направлению к Кенсингтонскому дворцу.

- Ну и как у тебя с личной жизнью? - поинтересовался Джимми. - И как тебе живется-может на гражданке? Наверное, занят? Ведешь себя хорошо? - Юмор в стрессовой ситуации всегда давался ему нелегко.

Том удивился, что Джимми вообще прикладывает к этому усилия.

- Вроде того, - буркнул он.

- Наверное, читаешь классику? Те самые книги, которые давным-давно обещал себе прочесть? - Маркуэнд говорил так, будто послушно исполнял роль в пьесе. - Ухаживаешь за садом? Настукиваешь на компьютере мемуары?

- Мемуары я уже закончил, - заметил Том. - И ты в них получился не очень-то симпатичным.

- Не хуже, чем я заслуживаю.

Темы для светской беседы иссякли. Том видел, что под добродушной усмешкой Джимми скрывается дикая, животная паника из-за исчезновения Амелии. Он решил прийти Маркуэнду на помощь.

- Как же это случилось, Джимми? Какого черта? Джимми тем не менее предпочел обойти вопрос.

- Указание было спущено с Даунинг-стрит. Вскоре после того, как ты ушел. Они хотели видеть на посту специалиста по Ближнему Востоку, и непременно женщину. Она произвела впечатление на премьер-министра в Объединенном разведывательном комитете. Если он узнает, что мы ее потеряли, нам конец.

- Я не это имел в виду.

- Я знаю, - бросил Маркуэнд. Он отвернулся, как будто ему было стыдно, что такой масштабный прокол произошел в то время, когда он находился на посту. - Две недели назад у нее было совещание с Хэйнесом. Традиционная встреча с

глазу на глаз, передача скипетра от одного правителя другому. Обмен тайнами, легендами и сплетнями, все то, о чем не полагается знать тебе и мне. А также всем добрым людям Британии.

- Например?

- А то ты не догадываешься.

- Кто убил Кеннеди? Пятый самолет одиннадцатого сентября? Мне нужны факты, Джимми. Что он ей сказал? Кончай это дерьмо.

- Хорошо, хорошо. - Маркуэнд вздохнул. - Значит, в воскресенье утром она объявляет, что должна отправиться в Париж, на похороны. Берет пару дней отпуска. Потом, в среду, мы получаем от нее сообщение. Письмо по электронной почте. Ей нужно прийти в себя после похорон, и она хочет немного отдохнуть. На юге Франции. Без всякого предупреждения. Просто решила использовать оставшиеся дни до того, как работа поглотит все ее время. Она сообщила, что собирается устроиться на какие-то курсы живописи в Ницце - дескать, всегда мечтала это сделать. - Тому показалось, что от Джимми слегка пахнет алкоголем. Хотя, возможно, пахло и от него самого. - В общем, она заявила, что вернется через две недели, а в экстренных случаях с ней можно связаться по такому-то и такому-то номеру в таком-то и таком-то отеле.

- Что было дальше?

Маркуэнд остановился, придерживая волосы, развевавшиеся под неистовыми порывами лондонского ветра. Голубой целлофановый пакет пролетел мимо них над полоской некошенной травы и прилип к стволу дерева. Джимми понизил голос, как будто ему было неловко.

- Джордж послал кое-кого за ней присмотреть. Негласно.

- Господи, а это еще зачем?

- Ему показалось подозрительным, что она так стремительно собралась в отпуск. Сразу после встречи с Хэйнесом. Это как-то необычно.

Том знал, что Джордж Траскотт, помощник шефа, считался наиболее вероятным кандидатом на пост нового главы МИ-6. Предполагалось, что он сменит Саймона Хэйнеса, как только премьер-министр даст на это добро. Должно быть, Траскотт уже пошил себе костюм, заказал мебель для кабинета и напечатал приглашения на вечеринку по случаю своего назначения. Но Амелия Левен увела приз у него из-под носа. Женщина. Существо второго сорта в МИ-6. Скорее всего, он люто ее ненавидел.

- Что необычного в том, чтобы поехать в отпуск в это время года?

Том и сам знал ответ на свой вопрос. В легенде Амелии не было смысла. Курсы живописи – это было совершенно не в ее духе. Женщины вроде нее не нуждаются в хобби. Все те годы, что он ее знал, Амелия использовала отпуск исключительно для релаксации. Спа-центры, детокс-клиники, пятизвездные отели с салат-барами и первоклассными массажистами. Она ни разу не упоминала о том, что хочет рисовать. Пока Маркуэнд раздумывал, что ответить, Том подошел к дереву, снял застрявший в ветках голубой пакет и сунул его в задний карман джинсов.

- Ты образцовый гражданин, Том... образцовый гражданин. – Джимми уставился на свои ботинки и тяжело вздохнул, словно до смерти устал оправдываться за провалы других сотрудников. – Разумеется, нет ничего необычного в том, чтобы поехать в отпуск в это время года. Но как правило, это происходит не так неожиданно. Заявление подается за несколько месяцев и вставляется в график. А это выглядело как спонтанное решение, реакция на то, что сообщил ей Хэйнес.

- И что сказал по этому поводу Хэйнес?

- Он согласился с Траскоттом. Так что они попросили наших друзей в Ницце приглядеть за Амелией.

Том снова решил придерживаться свое мнение при себе. К концу карьеры он и сам стал жертвой параноидальных, почти бредовых интриг Джорджа Траскотта, но все равно поразился, что два самых главных человека в МИ-6 дали зеленый свет на слежку за одним из своих.

- Что за друзья в Ницце? Местные?

– Господи, нет, конечно. Мы избегаем лягушатников, как только возможно. Наши бывшие сотрудники. Билл Найт и его жена Барбара. Вышли в отставку в 98-м и поселились в Ментоне. По нашей просьбе они тоже записались на курсы живописи, встретились с Амелией – она прибыла в среду – и немного с ней поболтали. А потом Билл объявил, что Амелия пропала – после того, как она не явилась на занятия три дня подряд.

– Опять же что в этом необычного? Маркуэнд нахмурился:

– Боюсь, мне не совсем ясен ход твоих мыслей.

– Ну, разве она не могла просто пропустить занятия? Заболеть, например?

– В этом-то все и дело. Она не позвонила и не предупредила. Барбара сама позвонила в отель, но там ее не было. Мы связались с мужем Амелии...

– С Жилем, – подсказал Том.

– С Жилем, да, но он ничего о ней не слышал с тех пор, как она выехала из Уилтшира. Ее мобильный выключен, она не отвечает на имейлы и ни разу не воспользовалась своими банковскими карточками. Словом, полная тишина.

– Как насчет полиции?

Маркуэнд вскинул свои кустистые брови:

– Пф! Они же не обнаружили ее тело, плавающее в Средиземном море. И не соскребли ее с шоссе – если ты это имеешь в виду. – Он заметил, что Том нахмурился, и поспешил загладить неприятные слова: – Извини, это было грубовато. Я не хотел быть циником. Просто... все это какая-то чертова загадка.

Том быстро пробежал в уме возможные объяснения. Список был бесконечным; это могло быть все что угодно. Русское или иранское вмешательство, связанное с личными делами Амелии. Тайная договоренность с янки касательно Ливии и «арабской весны». Внезапный срыв, ставший последствием беседы с Хэйнесом. Перед тем как Келл ушел из МИ-6, Амелия как раз с головой погрузилась в дела, связанные с Французской Западной Африкой. Это могло вызвать интерес со

стороны французов или китайцев. Также нельзя было исключать исламистов – они представляли постоянную угрозу.

– Как насчет другой операции? – Том почувствовал, как похмелье навалилось на него с новой силой – сказывались три часа сна; в горле совсем пересохло. – Возможно ли, что она работает по делу, о котором наши Труляля и Траляля ничего не знают?

Маркуэнд немного подумал. Вряд ли другая операция могла быть настолько секретной, чтобы Амелия Левен исчезла, не поставив в известность хотя бы службу техподдержки в Центре правительственной связи.

– Слушай, – сказал наконец он. – Все, кто об этом знают, – это Хэйнес, Траскотт и Найты. Парижское отделение еще не в курсе, и так оно и должно оставаться дальше. Если информация выйдет наружу, Служба станет всеобщим посмешищем. Бог знает, чем все закончится. Официально она должна встретиться с премьер-министром через две недели. Разумеется, эту встречу нельзя отменить – иначе на Уайтхолле разразится буря из дерьма. Если в Вашингтоне узнают о том, что мы потеряли своего самого главного шпиона, их просто разорвет. Хэйнес хочет найти ее за несколько дней и сделать вид, что ничего этого не было. По идее, Амелия должна вернуться на следующей неделе. – Маркуэнд быстро посмотрел вправо, как будто услышал какой-то шум. – Может быть, она просто возьмет да и объявится сама. Может, все дело в каком-нибудь хлыще из Парижа. Этаким Жан-Пьер или Ксавье с большим членом и домиком в Эксан-Провансе. Ты же знаешь, как Амелия западает на мужиков. Мадонне есть чему поучиться.

Том удивился: Маркуэнд высказывался о репутации Амелии слишком уж откровенно. Донжуанство, как и алкоголь, считалось в конторе практически обязательным, но это был чисто мужской спорт – впрочем, все делалось негласно и больше в шутку. За все годы их знакомства с Амелией у нее было не больше трех любовников – Том знал это наверняка; однако слухи утверждали, что она переспала с семьюдесятью пятью процентами сотрудников.

– Почему Париж? Маркуэнд поднял голову.

– Она сделала там остановку по пути к Ницце.

- Ты не ответил. Почему Париж?

- Она была на похоронах в Париже во вторник.

- На чьих похоронах?

- Понятия не имею. - Будучи записным карьеристом, Маркуэнд тем не менее не стеснялся признать, что ему что-то неизвестно. - События развивались слишком быстро, Том. Нам не удалось выяснить имя. Жиль полагает, что это было в крематории в Четырнадцатом округе. В Монпарнасе. Какой-то старый друг, из студенческих времен.

- Жиль с ней не поехал?

- Амелия сказала, что не стоит.

- А Жиль, конечно, всегда делает то, что Жилю говорят. - Тому были прекрасно известны все тонкости брака супругов Левен - в свое время он изучал его в качестве поучительного примера.

Маркуэнд хотел засмеяться, но в последний момент передумал.

- Именно. Синдром Дениса Тэтчера. Мужья должны быть на виду и при этом не издавать ни звука.

- У меня такое ощущение, что вам нужно узнать, что это был за загадочный друг. - Том понимал, что говорит очевидные вещи, но Джимми, похоже, совсем растерялся.

- Должен ли я так понимать, что ты нам поможешь?

Том взглянул на небо. Сквозь ветки деревьев проглядывали черные тучи. Собирался дождь. Он подумал об Афганистане, о книге, которую он предположительно должен был писать, о скучных августовских вечерах, которые ожидали его впереди. О своей холостяцкой берлоге в Кенсал-Райз. О своей жене. Об Амелии. Том был уверен, что она жива, и еще он нутром чувствовал, что Маркуэнд что-то скрывает. Интересно, сколько еще бывших

сотрудников будут пущены по следу?

- И сколько же предлагает ее величество за эту работу?

- А сколько ты хочешь?

Джимми Маркуэнд платил не из собственного кармана, поэтому мог себе позволить быть щедрым. Тому было наплевать на деньги, но он не хотел показаться слюнтяем. Он решил назвать цифру с потолка.

- Тысячу в день. Плюс расходы. Мне нужен лэптоп с зашифрованным диском, мобильный и документы на имя Стивена Юниака. А еще я хочу, чтобы в аэропорту Ниццы меня ждал достойный автомобиль. Если это будет двухдверный «пежо» с приборной доской, подклеенной липкой лентой, я немедленно возвращаюсь домой.

- Хорошо.

- И пусть Джордж Траскотт оплатит все мои расходы. Абсолютно все.

- Договорились.

Глава 6

Самолет Келла вылетал из Хитроу в восемь. Том как раз собирался переключить телефон на режим «в самолете», когда ему пришло сообщение.

«Не забудь о завтрашней встрече с Финчли в два часа. Встречаемся в метро».

Финчли. Дышащие на ладан отношения с женой. Час с психологом, консультантом по браку, женщиной с мрачным лицом, которая ловко предлагала им одну банальность за другой, словно выкладывала печенье на тарелку. Пристегивая ремень, Том вдруг подумал, что с тех пор, как ушел из МИ-6, он всего второй раз выбирается из Лондона. В середине марта Клэр предложила

провести «романтический уик-энд» в Брайтоне – «чтобы попробовать стать чем-то большим, чем корабли, которые проходят мимо друг друга». Но им не повезло – в отеле как раз отмечали свадьбу, вечеринка длилась всю ночь, им удалось поспать не больше трех часов, и к воскресенью они снова погрузились в хорошо знакомую атмосферу скандалов и взаимных упреков.

Рядом с ним сидела молодая мама; к креслу у окна был пристегнут ребенок лет двух. Мамочка села в самолет хорошо подготовленной: ее сумка была забита журналами и упаковками несладкого печенья; там же находилась большая бутылка с водой. Когда мальчик начинал ерзать на сиденье или слишком громко вскрикивал, она поворачивалась к Тому и виновато улыбалась. Он постарался заверить ее, что мальчик ему абсолютно не мешает. До Ниццы было всего полтора часа полета, и ему нравилось общество детей.

– А у вас есть дети? – спросила она. Этот вопрос Том не любил.

– Нет, – ответил он и наклонился, чтобы поднять зеленую пластмассовую фигурку, которую уронил мальчик. – К сожалению, нет.

Мамочка занялась своим малышом, и Том смог спокойно почитать свои заметки по делу Амелии. Насчет прочих пассажиров можно было не беспокоиться: мужчина, сидевший через проход, был погружен в какие-то сложные таблицы, женщина за ним, точнее, за его левым плечом, спала – ее голова покоилась на надувной подушке. Он и без того знал об Амелии довольно много: за время их странной, но довольно близкой десятилетней дружбы они не раз делились друг с другом секретами. Связь Амелии с секретными службами зародилась очень давно, когда она была совсем юной и работала няней в Тунисе в конце семидесятых. Ее заметила Джоан Гуттман, офицер под прикрытием, работавшая в Центральном разведывательном управлении. Гуттман обратила на Амелию внимание МИ-6, и те присматривали за ней, пока та училась в Оксфорде. После того как Амелия получила степень с отличием по французскому и арабскому, летом 1983 года, ее завербовали. Год она проучилась в Ближневосточном центре по изучению арабских дисциплин в Ливане – так называемой «школе шпионов». После этого ее забросили сначала в Египет – в 1985-м, а потом в Ирак – в 1989-м. Вернувшись в Лондон весной 1993-го, Амелия Уэлдон познакомилась с Жилем Левеном, пятидесятидвухлетним торговцем ценными бумагами. На счете Жилия числилось около тридцати миллионов, а его характер один из бывших коллег Тома описал как «агрессивно-скупной». В деле говорилось, что у Левена «противоречивое» отношение к израильскому вопросу – Том уловил нотку

пассивного антисемитизма, от которого, как он считал, в МИ-6 давно избавились, – но рекомендовалось «мониторить» настроения Амелии на предмет израильских симпатий.

Учитывая данный контекст, история продвижения Амелии по карьерной лестнице представлялась Тому не на шутку захватывающей. В первые годы ее работы в спецслужбах она не раз становилась жертвой сексистских настроений. Например, в Египте ее обошли с повышением под предлогом того, что она наверняка не захочет остаться в МИ-6 «по истечении детородного возраста». Вместо этого пост был отдан известному алкоголику с двумя неудачными браками за плечами. Отчеты он писал, доставая факты из газеты «Аль-Ахрам». Однако удача улыбнулась Амелии, когда она работала в Ираке. Официально она значилась аналитиком при некоем французском конгломерате. Энн Уилкис – такое имя значилось в ирландском паспорте Амелии – оставалась в Багдаде во время войны в Персидском заливе, и ее связи с выдающимися фигурами из партии Баас, а также с высшими военными чинами иракской армии по достоинству оценили и в Лондоне, и в Соединенных Штатах. С тех пор ее карьера начала неуклонно подниматься в гору. Амелию перебрасывали в Вашингтон и в Кабул. Она возглавляла операции МИ-6 в Афганистане – вплоть до свержения правления движения талибан. Амелия не раз высказывалась за укрепление британского влияния в Африке – точка зрения, которую на Даунинг-стрит, после того как разразилась «арабская весна», сочли провидческой. Однако это настроило против нее Джорджа Траскотта, бюрократа со складом мышления времен холодной войны, которого не слишком уважал рядовой состав МИ-6.

Том закрыл дело. Он посмотрел на мальчика рядом – теперь тот спокойно спал на руках матери – и попытался осознать, что снова в игре. И ничего не почувствовал. Восемь месяцев он толкал воду в ступе, делая вид перед самим собой и особенно перед Клэр, что он занял принципиальную позицию, что выступил против двоемыслия и лицемерия секретной службы. Разумеется, это была чепуха. Его выгнали из МИ-6 с позором. А когда к нему явился Маркуэнд, «представитель» Траскотта и Хэйнеса, Том с готовностью ухватился за возможность вернуться, как ребенок на детской площадке, которому предложили еще разок прокатиться на карусели. Он понимал, что его желание доказать им, что они не правы, убедить в своей невиновности, даже мечты начать новую жизнь – все это были замки на песке. У него не было ничего, кроме прошлого, и никакой другой профессии, кроме профессии шпиона.

Где-то над Южными Альпами свет в салоне потускнел. Рейс прибывал по расписанию. Том посмотрел в иллюминатор и поискал взглядом огни Ниццы. Стюардесса уселась на свое место, пристегнула ремень, быстро глянула в зеркальце и послала Тому ослепительную улыбку. Он кивнул в ответ, кинул в рот две таблетки аспирина и допил остатки воды из бутылки; затем откинулся на спинку кресла. Самолет стал снижаться. Внизу простиралось Средиземное море. Когда они благополучно приземлились, трое пьяных йоркширцев, сидевших за два ряда от Тома, шумно зааплодировали. Багажа у него не было, и к одиннадцати пятнадцати он уже прошел пограничный контроль – по своему собственному паспорту.

Найты ожидали его в зале прибытия. Джимми Маркуэнд сказал, что нужно искать «пару британцев лет шестидесяти с лишним», он «давно прописался в солярии и красит усы», она «маленькая, живенькая, но все время остается в тени мужа».

Описание оказалось практически идеальным. Миновав автоматические двери, Том увидел перед собой апатичного, сильно загорелого англичанина в отглаженных брюках-чиносах и кремовой рубашке. На его плечи был наброшен фисташковый кашемировый джемпер; рукава были завязаны на груди, по всем законам средиземноморской моды. Усы он больше не красил, но у Тома все равно сложилось такое впечатление, словно Билл Найт проводит по крайней мере пятнадцать минут каждый вечер, тщательно расчесывая свои редеющие седые волосы. Он представлял собой прекрасный пример мужчины, который никак не может простить себе собственную старость.

– Том, я полагаю? – звучно спросил Билл. Слишком звучно, подумал Том. И у него было слишком крепкое рукопожатие. Полные губы Билла под усами округлились, словно он пробовал жизнь на вкус, как вино. Том подумал, уж не сказать ли ему: «Я бы предпочел обращение мистер Келл, в любых обстоятельствах», но у него не было сил на подобные игры.

– А вы, должно быть, Барбара. – За спиной Найта (Клэр называла это «поза человека дождя»), слегка ссутулившись, застыла невысокая женщина в очках-половинках. Одним застенчивым взглядом она умудрилась одновременно как бы извиниться за нелепое поведение своего мужа и создать немедленную профессиональную связь между ними, чему Том был очень рад. Он уже понял, что больше всех говорить будет Найт, но что самую полезную и важную информацию предоставит именно Барбара.

– Ваша машина ждет вас снаружи, – сказала она. Найт предложил помочь Тому с сумкой. Том помотал головой. Ему вдруг стало не по себе от мысли, что его мать, будет она жива, была бы сейчас точно такого же возраста, как эта крошечная старушка в небрежной одежде, с неуложенными седыми волосами и мягкими движениями.

– У нее роскошный салон, – заявил Найт, с легким неудовольствием, как будто не одобрял подобных трат. У него был слегка гнусавый голос, который уже начинал действовать Тому на нервы. – Думаю, вам понравится.

Они прошли к выходу. Том мельком увидел отражение в окне напротив и подумал, что он похож на сына, который приехал навестить родителей в каком-нибудь поселке для пенсионеров в Коста-дель-Соль. Это показалось ему невероятным – неужели МИ-6 решила поставить между исчезновением Амелии Левен и международным скандалом немолодого шпиона с перманентным похмельем и парочку дряхлых сотрудников разведки в отставке, которые отошли от дел еще во времена падения Берлинской стены? Может быть, как раз и предполагалось, что Том завалит дело? Может, в этом и состоял план Маркуэнда? Или Найтам дано задание помешать Тому, расстроить все его начинания еще до того, как он по-настоящему приступит к делу?

– Сюда, – показал Найт.

Молодая женщина, худая, как манекенщица, пронеслась сквозь автоматические двери и бросилась в объятия затянутого в кожу героя-любовника, всего на пару лет моложе Билла. «Mon chérie!» [З - Мой дорогой! (фр.)] – с русским акцентом воскликнула она. Том заметил, что при поцелуе она не закрыла глаза.

Они вышли на улицу и окунулись в теплый влажный французский вечер. Здание терминала отделялось от трехэтажной автостоянки широким кирпичным бордюром. Аэропорт постепенно пустел. Автобусы собрались у совершенно темного тоннеля; один из водителей спал за рулем. Очередь из нескольких поздних пассажиров ждала пересадки на рейс до Монако. Все они выглядели заметно шикарнее и сдержаннее, чем толпы людей с бутылками в руках, которых Том видел в аэропорту Хитроу. Найт заплатил за парковку, аккуратно сложил чек и сунул его в бумажник, чтобы потом предъявить как служебные расходы. Они подошли к черному «Ситроену Сб», припаркованному на верхнем уровне.

– Документы, которые вы просили, прибыли час назад. Они лежат в конверте на пассажирском сиденье, – сказал Найт.

Том понял, что тот имеет в виду документы на фамилию Юниак. Маркуэнд выслал их в Ниццу с курьером, чтобы Тому не пришлось пересекать французскую границу с фальшивым паспортом.

– Обратите внимание, – снова заговорил Найт, – она работает на дизельном топливе. – Он постучал пальцем по заднему стеклу, как будто внутри автомобиля кто-то прятался. – Вы себе не представляете, сколько моих знакомых приезжали сюда, брали напрокат машину в Hertz или Avis и портили себе все путешествие по Франции, заливая...

Барбара мягко прервала его:

– Билл, я уверена, мистер Келл в состоянии заправить машину на бензоколонке. – В тусклом желтом свете было невозможно разглядеть, покраснел Найт или нет. Том припомнил слова из личного дела Найта, которое пролистал по дороге в аэропорт. «Ненавидит паузы в разговорах. Склонен говорить в то время, когда лучше было бы держать свои мысли при себе».

– Все нормально, – заверил Том. – Да, тут легко ошибиться.

Машина Найтов была припаркована рядом – «мерседес» с правым рулем, с британскими номерами двадцатилетней давности и вмятиной на правом переднем крыле.

– Старый, немного потрепанный мерс, – неизвестно зачем пояснил Найт, как будто ему часто задавали вопросы по поводу его средства передвижения. – Но нам очень подходит. Правда, раз в год мы с Барбарой вынуждены пересекать Канал, чтобы пройти техосмотр и обновить страховку, но оно того стоит...

Том подумал, что с него достаточно. Он закинул сумку на заднее сиденье «ситроена» и решил перейти к делу.

– Давайте поговорим об Амелии Левен, – перебил его он. На стоянке было совершенно пусто; их разговор время от времени заглушали взлетающие и

приземляющиеся самолеты и близкий шум дороги. Найт, которого прервали на полуслове, сделал внимательное лицо. – Согласно сведениям, которые я получил в Лондоне, миссис Левен пропала несколько дней назад. Скажите, вы разговаривали с ней на курсах живописи?

– Конечно, – заверил Найт таким тоном, как будто Том поставил под сомнение их честность. – Разумеется.

– Что вы можете сказать о настроении Амелии? О ее поведении?

Барбара попыталась ответить, но муж ее опередил:

– Она вела себя абсолютно нормально. Очень дружелюбно. И ее крайне увлекала живопись. Она сказала, что раньше работала учительницей, но вышла на пенсию. И что она вдова. Практически и не о чем докладывать.

Тому снова вспомнились слова из личного дела Найта: «Не склонен перетруждаться. Среди коллег, работавших с Биллом Найтом много лет, сложилось мнение, что он предпочитает тихую жизнь и не любит пачкать руки».

В разговор вступила Барбара.

– Вообще-то здесь я с Биллом не совсем согласна, – начала она, как будто почувствовала, что Том недоволен ответом Билла. – Мне показалось, что она немного рассеянна. И не так уж много она рисовала – что, в общем, странно, учитывая, что приехала как раз учиться живописи. И еще она то и дело проверяла свой телефон, смотрела, не пришло ли ей сообщение. – Барбара торжествующе посмотрела на Тома и слегка улыбнулась, как человек, разгадавший сложную головоломку. – И это показалось мне особенно необычным. Понимаете, люди ее возраста, в отличие от молодого поколения, не бывают так приклеены к телефону. Вы со мной согласны, мистер Келл?

– Зовите меня Том, – предложил он. – Как насчет друзей или знакомых? Вы ее с кем-нибудь видели? Когда Лондон попросил вас приглядеть за миссис Левен, вы ездили за ней в Ниццу? Она куда-нибудь ходила по вечерам?

– Как много вопросов сразу, – заметил Найт. Судя по лицу, он был очень доволен собой.

– Отвечайте на них по очереди, – сказал Том. Он наконец почувствовал, что его начинает охватывать азарт, как обычно во время операции. Внезапный порыв ветра взъерошил волосы Найта, и он торопливо пригладил их рукой.

– Ну, мы с Барбарой не заметили, чтобы миссис Левен особенно разгуливала по вечерам. В четверг вечером, например, она поужинала в ресторане на улице Массена. Одна. Я проводил ее до отеля, сидел в «мерседесе» до двенадцати, но из отеля она никуда не вышла.

Том взглянул на него:

– И вам не пришло в голову снять номер в том же отеле?

Повисла пауза. Супруги Найт обменялись неловкими взглядами.

– Вы должны понять, Том... – Билл, возможно неосознанно, сделал шаг назад. – У нас было не слишком много времени, чтобы обдумать стратегию. Лондон попросил нас всего лишь записаться на курсы и понаблюдать за миссис Левен. И сообщить, если мы заметим что-нибудь подозрительное. Это все.

Барбара снова выступила вперед. Она явно переживала, что у Тома складывается нелестное мнение об их способностях.

– Дело в том, что в Лондоне как бы и не ожидали, что будет нечто подозрительное, – объяснила она. – Нас просто попросили быть настороже – на всякий случай. И прошло всего... сколько?... два или три дня с тех пор, как мы объявили миссис Левен пропавшей.

– И вы уверены, что ее нет в Ницце? Что она не с какими-нибудь друзьями?

– О, мы ни в чем не уверены, – отозвался Найт самым уверенным тоном за все недолгое время их знакомства. – Мы сделали то, что нам сказали. Миссис Левен не появилась на курсах, мы позвонили и сообщили об этом. Мистер Маркуэнд, должно быть, заподозрил, что дело тут нечисто, и прислал подкрепление.

Подкрепление. Внезапно Том подумал, что ровно двадцать четыре часа назад он сидел в переполненном баре на Дин-стрит, пил и во все горло распевал «С днем рождения тебя» – в честь своего сорокалетнего друга, которого не видел пятнадцать лет.

– В Лондоне беспокоятся, что не замечено никакой активности по кредитным карточкам Амелии, – сказал он. – И что ее телефон не отвечает.

– Вы думаете, она... переметнулась? – с ужасом спросил Найт.

Том подавил улыбку. Куда? В Москву? В Пекин? Амелия скорее согласилась бы жить в Албании.

– Вряд ли, – возразил он. – У нее слишком высокая должность. В случае с такими чинами политические последствия могут быть самыми сокрушительными. Но, как говорится, никогда не говори «никогда».

– Никогда не говори «никогда», – пробормотала Барбара.

– Что с ее номером? Его осматривали?

Найт уставился на свои ботинки. Барбара поправила очки. Том вдруг понял, почему они не продвинулись выше в Найроби.

– Нам не давали распоряжения проводить обыск, – заметил Билл.

– А руководитель курсов живописи? Вы с ним разговаривали?

Найт покачал головой. Он по-прежнему рассматривал свои ботинки, как школьник, получающий выговор от директора.

Том сжалился:

– Ладно. Теперь знаете что? Скажите мне, как далеко отсюда отель?

– На бульваре Дюбошаж, – обеспокоенно ответила Барбара. – В двадцати минутах отсюда.

– Я еду туда. Вы забронировали для меня номер, так? На имя Стивена Юниака?

Найт поднял голову:

– Все правильно. Но разве вы не хотите чего-нибудь поесть? Мы с Барбарой подумали, что сводим вас в одно местечко возле порта в Ницце. Оно нам очень нравится. Они обычно работают допоздна...

– Позже, – прервал его Том. В Хитроу он съел рулет с курицей и запил его банкой кока-колы. Этого должно было хватить до утра. – Но я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали.

– Конечно, – заверила Барбара.

Том понимал, что ей очень нравится, что они снова оказались «при деле», и хочется, чтобы это положение вещей длилось как можно дольше. Барбара могла принести ему реальную пользу.

– Позвоните в «Гиллеспи». Скажите, что вы только что прилетели и вам нужен номер. Потом поезжайте туда, но немного подождите снаружи. Обязательно свяжитесь со мной перед тем, как будете регистрироваться.

Найт изумленно посмотрел на него.

– Все в порядке? – с нажимом спросил Том. Если ему самому платили тысячу в день, Найтам, вероятно, обещали по меньшей мере половину от этой суммы. И в конце концов, они были обязаны делать все, что он им велит. – Мне нужен доступ к компьютеру отеля. Я хочу узнать все детали, касающиеся Амелии, – номер, время заезда и выезда, использование Интернета, все такое прочее. Чтобы это сделать, требуется отвлечь служащего, который работает в ночную смену, выманить его из-за стойки минут на пять–десять. И вы можете мне здорово помочь – заказать еду в номер, пожаловаться на сломанный кран, случайно дернуть за тревожный шнур в туалете. Понятно?

– Понятно, – подтвердил Найт.

– У вас есть чемодан? Или какая-нибудь сумка побольше, чтобы сошла за багаж?

Барбара секунду подумала:

– Думаю, да. Да, есть.

– Дайте мне час, чтобы зарегистрироваться, а потом двигайте в отель. – Том с радостью отметил, как быстро приходят к нему идеи, вспоминаются старые трюки и хитрости – как будто последние восемь месяцев его мозг находился в каком-то желе. – Разумеется, мне не надо объяснять очевидного: если мы столкнемся в холле, мы не знакомы.

Найт шумно расхохотался:

– Конечно, Том.

– И не выключайте телефон. – Том забрался в «ситроен». – Скорее всего, я позвоню вам в течение часа.

Глава 7

Навигатор в «ситроене» был знаком со всеми тонкостями одностороннего движения в Ницце, и до бульвара Дюбошаж Том доехал ровно за двадцать минут. Отель «Гиллеспи» был именно таким, как любила Амелия, – небольшой, но элегантный и высокого класса, комфортабельный, но без всякой претенциозности. Джордж Траскотт на ее месте заказал бы сьют в «Негреско», а оплату счета предоставил бы британским налогоплательщикам.

В трех кварталах от отеля находилась подземная автостоянка. Том поискал безопасное место, куда можно было бы спрятать паспорт и содержимое бумажника, и обнаружил узкую трещину в стене, между двумя блоками, метрах в двух от земли. Все документы на имя Стивена Юниака Найт оставил в конверте на пассажирском сиденье. Там были не только паспорт, кредитки и права, но и

целый набор мелочей из повседневной жизни англичанина: карточки постоянного покупателя из разных магазинов, членская карточка в ботанический сад (точнее, в сады Кью), страховка на машину. И даже потерянные фото несуществующей жены Юниака и его несуществующих детей, которые предполагалось носить в бумажнике. Том выкинул конверт и выехал на верхний уровень, на улицу. Юниак – по легенде, консультант по маркетингу из Рединга – был одним из трех псевдонимов, которыми Том пользовался за двадцать два года службы в разведке. Приняв в очередной раз образ Стивена Юниака, он чувствовал себя естественно и свободно, как будто снова надел любимое старое пальто.

«Гиллеспи» стоял немного в глубине улицы; от проезжей части отель отделяла полукруглая подъездная дорожка, так что водителям было удобно останавливаться у выхода, высаживать пассажиров и выгружать багаж. Том прошел через автоматические двери, преодолел несколько ступенек и оказался в уютном ночном лобби, на стенах которого были развешаны черно-белые фотографии Дюка Эллингтона, Диззи Гиллеспи и других легендарных музыкантов прошлого. По непонятной причине Том терпеть не мог джаз, и по столь же непонятной причине он обожал гостиничные лобби, выдержанные в спокойных тонах, с уютным неярким освещением, паркетными полами, коврами, достойными полотнами на стенах и барами, где так приятно позвякивают бокалы и лед в ведерках, а у стойки негромко беседуют постояльцы. Молодой человек в темном пиджаке, с юношескими прыщами на лице и короткими светлыми волосами выкладывал в стеклянную чашу ароматическую смесь из сухих лепестков. Ночной портье. Он с усилием улыбнулся прибывшему гостю, и Том понял, что молодой человек еле держится на ногах от усталости.

– Могу я вам помочь, сэр?

Том поставил сумку на пол и по-французски объяснил, что бронировал номер на фамилию Юниак. Портье попросил его показать документ, удостоверяющий личность, и кредитку и заполнить форму. На столе стоял компьютер, куда он забил данные нового постояльца. Клавиатура была расположена ниже, под стойкой, и Том не мог рассмотреть, какой пароль набирает портье.

– Я уже останавливался здесь раньше, – заметил он, обводя взглядом маленький кабинетик позади стойки регистрации, за спиной молодого человека. Там был еще один компьютер; рядом с ним стояла банка кока-колы и лежала толстая книжка, обложкой вверх. Том поискал глазами видеокамеры в холле и ничего не

обнаружил. – Вы храните такую информацию?

Этот вопрос он подготовил заранее и заранее знал ответ. Когда портье ответит, у Тома появится предлог изобразить удивление и перегнуться через стойку, чтобы самому взглянуть на экран.

– Давайте посмотрим, сэр, – послушно откликнулся портье. Его бледное, утомленное лицо было покрыто мягким пушком; на подбородке алел зрелый прыщ. – Нет, думаю, нет. Никакой информации.

– Нет? – изумился Том, дотронулся до монитора и чуть повернул его в свою сторону. Таким образом он смог увидеть, какой системой управления отелем пользуются в «Гиллеспи». «Опера». Одна из самых распространенных в Европе, и Том как раз был с ней более или менее знаком. Информация о Юниаке хранилась в отдельной папке; на странице располагались колонки, озаглавленные «Еда», «Проживание», «Напитки» и «Телефон». Если портье не выйдет из системы, то взглянуть на данные Амелии будет раз плюнуть. Том уже знал, что она занимала номер 218, и всю информацию о ее пребывании в отеле можно будет получить за пару кликов мышкой.

– Может быть, номер был на имя моей жены? – заметил он. Из бара вышел постоялец, кивнул портье и направился к лифтам.

Том отступил на шаг назад и заглянул в бар. Там еще оставалась молодая пара – они сидели за дальним столиком и потягивали коньяк. Барменша с обширным задом подбирала с пола разбросанный арахис. Больше в баре никого не было.

– Ну, не важно, – небрежно бросил он и снова повернулся к стойке. – Не могли бы вы разбудить меня завтра утром? В семь часов?

Это была совсем маленькая, незначительная деталь, но благодаря ей у портье должно было сложиться впечатление, что месье Юниак собирается уснуть сразу же, как только доберется до постели.

– Разумеется, сэр.

Ему дали номер на третьем этаже. Том медленно поднялся на три марша вверх, чтобы ознакомиться с планировкой отеля. На площадке второго этажа он заметил небольшой чулан с чуть приоткрытой дверью; внутри находились оставленный горничной пылесос «Хувер» и бутылки и банки с разными чистящими средствами. В голове тут же возникла идея. Он добрался до своего номера, открыл дверь и сразу начал разбирать вещи. По пути в Хитроу Маркуэнд вручил ему лэптоп. Том воткнул 3G-модем в USB-порт, ввел три пароля и получил доступ к серверу МИ-6. В мини-баре оказалось две крошечные бутылочки «Джонни Уокера», и, пока Том проверял почту, он выпил их обе, разбавив наполовину «Эвианом». Одно сообщение было от Маркуэнда.

«Полагаю, ты прибыл на место без проблем. От нашего друга никаких известий. По-прежнему никакой активности».

Под «активностью» подразумевались банковские карты Амелии и ее мобильный.

«Насчет похорон в крематориях 14-го округа Парижа в подходящие дни: проверь фамилии Шамсон, Лилар, де Вильморан, Тардо, Радике, Мало, Бурже. Расследование продолжается. Дальнейшие подробности в течение 24 часов».

Том хмыкнул, побрызгал одеколоном под рубашку и сменил сим-карту на мобильном, чтобы проверить, не приходили ли ему личные сообщения из Лондона. Потом с жадностью съел банку чипсов «Принглс» из мини-бара, снова вставил в телефон сим-карту Юниака и набрал номер Найтов. Ответила Барбара. Ее муж, по всей видимости, был за рулем.

– Мистер Келл?

– Где вы, Барбара?

– Мы как раз паркуемся здесь, недалеко от отеля, за углом. Нас немножко задержали пробки.

– Вы забронировали номер?

– Да. Мы позвонили из аэропорта.

– Кто именно звонил?

– Я.

– А вы сказали, что вас будет двое?

Барбара немного поколебалась, подозревая подвох.

– Напрямую нет. Но я думаю, он понял, что я буду с мужем, – это как-то предполагалось само собой.

Том решил рискнуть.

– Изменения в планах, – объявил он. – Я хочу, чтобы вы заселились одна. Нужно, чтобы вы оставили Билла снаружи.

– Хорошо. – Барбара помолчала, как будто впитывала новые инструкции.

– В два часа я произведу отвлекающий маневр. Портье должен будет подняться наверх и принести «Хувер».

Связь на мгновение прервалась.

– Что? – переспросила Барбара.

– «Хувер». Пылесос. Слушайте меня внимательно. То, что я собираюсь сказать, очень важно. Пылесос находится в чулане на площадке второго этажа. В два часа вы должны ждать там. Когда портье поднимется, вы скажете, что заблудились и не можете найти свой номер. Заставьте его проводить вас. Ни в коем случае не отпускайте его обратно на ресепшн. Если он будет настаивать, отвлеките его. Притворитесь, что вам плохо, разрыдайтесь, делайте все что угодно. Когда он доведет вас до дверей, попросите его войти и показать вам,

как работает пульт от телевизора. Задержите его как можно дольше, это самое главное. Мне может потребоваться минут десять. Задавайте ему вопросы. Помните – вы пожилая леди, у вас стресс от смены часовых поясов. Вы меня поняли? Сможете все это повернуть?

– Это как-то очень прямолинейно, – протянула Барбара, и в ее голосе Тому послышалось некоторая напряженность. Видимо, он был слишком резок. Кроме того, называть Барбару пожилой леди было совершенно излишне – вряд ли найдется женщина, которой такое понравится.

– Когда будете заселяться, постарайтесь сыграть эту эксцентричную особу, – уже мягче добавил он. – Перепутайте документы. Сделайте большие глаза и спросите, как пользоваться ключом-карточкой от номера. Пофлиртуйте немного. Портье – молодой парень, вероятно, он говорит по-английски. Прежде чем перейти на французский, попробуйте сначала английский. Хорошо?

– Конечно, Том, – согласилась Барбара таким тоном, будто она записывала инструкции.

Он сказал, что сделает контрольный звонок в 1:45. В свою очередь, Барбара должна проверить, нет ли поблизости охранников, горничных или еще кого-нибудь из обслуживающего персонала. В случае, если кого-нибудь заметит, она должна немедленно сообщить Тому.

– В каком вы номере? – спросила Барбара.

– В триста двадцать втором. И скажите Биллу, чтобы присматривал за входом. Если кто-то попытается войти в отель с 1:55 до 2:15, он должен их задержать.

– Хорошо.

– Донесите до него, что это очень важно. Когда я буду за гостиничным компьютером, мне меньше всего на свете нужно, чтобы в этот момент в холл ввалился поздний гость.

– Я просто не понимаю. Я не понимаю, почему он не хочет, чтобы я участвовал в деле.

Билл Найт уткнулся носом в руль, разглядывая свои бежевые лакированные туфли. Он покачал головой. Очередное, если не последнее, оскорбление от МИ-6, где всегда сомневались в его профессиональной пригодности. Случайному прохожему могло бы показаться, что Билл рыдает.

– Дорогой, но он же как раз хочет, чтобы ты участвовал. Просто нужно, чтобы ты оставался снаружи. Приглядывал за входом.

– В два часа ночи? Кто заходит в отель в два ночи? Он мне не доверяет. Он считает, что я для этого не гожусь. Видимо, ему сказали, что это ты звезда. Как всегда.

Сорок лет Барбара Найт лелеяла и поглаживала хрупкое эго своего супруга. Миллионы мелких унижений, связанных с профессией, бесконечные финансовые проблемы, даже неудачные любовные интрижки – Барбара поддерживала мужа в любой ситуации. Она осторожно положила руку на его пальцы, сжимавшие ручной тормоз, и попыталась разрешить очередной кризис – так нежно, как только могла.

– Масса людей заходят в отель в два ночи, Билл. Ты просто забыл с возрастом. – Это была ошибка – напоминать Биллу о его возрасте. Барбара попробовала зайти с другой стороны. – Келлу нужно подобраться к системе управления отелем. Если кто-нибудь случайно войдет и застанет его за стойкой, могут быть неприятности.

– Какая ерунда! Да если отель более или менее приличный, в это время туда невозможно просто так войти. Сначала нужно позвонить в дверь, а потом дожидаться, пока кто-нибудь тебе откроет. Келл меня просто сливает. Я напрасно потеряю здесь время.

Как будто в доказательство его слов, у входа в отель «Гиллеспи» появились двое мужчин. Они позвонили в звонок и замерли у дверей, дожидаясь, пока к ним спустится ночной портье. Казалось, какие-то злые боги специально прислали эту картинку, чтобы наглядно продемонстрировать, что Билл прав. Портье проверил

у ночных гостей документы и пропустил их в холл. Барбаре и Биллу Найт, чей старый «мерседес» был припаркован метрах в пятидесяти, было прекрасно все видно.

- Видишь? - спросил Билл. В его голосе слышались нотки горького торжества.

На мгновение Барбара смутилась, не зная, что сказать.

- Не важно, - все же нашлась она. - В любом случае лучше, чтобы никто не звонил. Может, купишь пачку сигарет и поторчишь тут у входа? Или еще что-нибудь придумай. Ты можешь оказаться очень, очень полезным, дорогой.

- Я не курю, - оскорбленно заявил Билл. Барбара собрала последние силы. Сварливость Билла всерьез действовала ей на нервы.

- Слушай. Совершенно ясно, что в отеле тебе делать нечего. Келл хочет, чтобы я сыграла роль надоедливой старушки, этаким мисс Марпл, и отвлекла портье. Если мы заявимся туда как муж и жена, я не смогу прикинуться беспомощной старой леди. Ты это понимаешь?

Билл промолчал. Барбара наконец потеряла терпение.

- Отлично. Может быть, в таком случае будет лучше, если ты просто отправишься домой?

- Домой? - Билл поднял голову. Его глаза горели от возмущения и обиды. Станным образом, точно такое же уязвленное выражение лица появлялось у него всякий раз после разговора с их непутевым тридцатишестилетним сыном. - Я не могу оставить тебя одну, ночью, в гостинице, с человеком, которого мы едва знаем, с какими-то странными непонятными планами...

- Дорогой, вряд ли можно сказать, что мы его едва знаем...

- Он мне не нравится. Мне не нравится, как он себя ведет.

- Кажется, это чувство взаимно.

Это была ее вторая ошибка. Билл резко выдохнул, отвернулся и уставился в окно. Несколько секунд спустя он завел мотор. По его манере поведения и жестам было очевидно, что он мечтает поскорее оказаться в машине один.

– Не злись, – примирительно сказала Барбара. Одной рукой она уже взялась за ручку двери, но другая все еще лежала на ручнике. Ей не терпелось зарегистрироваться в отеле и приступить наконец к полученному заданию. Постоянные обиды Билла были бессмысленны и здорово мешали делу. – Ты же знаешь, тут ничего личного. – Мимо «Гиллеспи» прошел толстый мужчина в спортивном костюме и ярко-белых кроссовках, завернул за угол Рю Альберти и скрылся из вида. – Со мной все будет в полном порядке. Я позвоню тебе меньше чем через час. Если тебе не по себе, подожди меня в кафе. Вполне может быть, что через пару часов Том уже отошлет меня домой.

– В каком еще кафе? Ради бога, мне шестьдесят два года. Я не могу просто пойти и посидеть в кафе. – Билл по-прежнему смотрел в окно. У него был вид отвергнутого любовника. – В любом случае дурацкая идея. Я не могу покинуть свой пост. Он хочет, чтобы я наблюдал за этим б... входом.

Начал накрапывать дождь. Барбара покачала головой и открыла дверцу. Ей не нравилось, когда Билл ругался. На заднем сиденье «мерседеса» лежала продолговатая спортивная сумка – обычно Найты отвозили в ней банки и бутылки в пункт сбора вторсырья в Ментоне. Она набила ее мятыми газетами, а еще сунула внутрь старую шляпу и пару резиновых сапог. Она взяла сумку и наклонилась к окну. – Ты только подумай о том, что эти последние несколько дней нам было очень интересно. И что нам очень хорошо платят. – Ее слова не оказали на Билла никакого видимого эффекта. – Я позвоню тебе сразу же, как войду в свой номер. – Барбара нежно поцеловала супруга в щеку. – Обещаю.

Глава 9

Том допил остатки «Джонни Уокера», снял трубку стоящего на ночном столике телефона и набрал 0, чтобы соединиться с ресепшн. Портье ответил после второго гудка:

– Oui, bonsoir, Monsieur Uniacke[4 - Да, добрый вечер, месье Юниак (фр.).].

Теперь нужно было только придумать предлог. Том заявил, что в его комнате не работает Wi-Fi и не могли бы они проверить, в чем дело. Портье извинился за доставленное неудобство, продиктовал новый пароль и выразил надежду, что у месье Юниака больше не будет проблем.

Однако проблемы у месье Юниака продолжались. Через десять минут Том взял лэптоп и спустился на первый этаж. В лобби никого не было. Двое постояльцев, которые пили коньяк в баре, ушли спать; их столик был начисто вытерт. Свет был приглушен; барменши в поле зрения не наблюдалось.

Том подошел к стойке регистрации. Портье сидел в кабинете и был полностью погружен в какой-то учебник. Прошло несколько секунд, прежде чем он поднял голову и заметил Тома. Он тут же вскочил с места и извинился.

– Pas de probl?me[5 - Нет проблем (фр.)], – заметил Том. С французами рекомендовалось говорить на их родном языке; так было гораздо проще заработать их уважение и доверие. Он открыл лэптоп, показал на экран и пожаловался, что у него по-прежнему трудности с соединением. – Есть ли в отеле кто-нибудь, кто может помочь? – поинтересовался он.

– Боюсь, что нет, сэр. Я здесь один до пяти часов. Но может быть, в холле сигнал получше. Может быть, вы посидите в баре и попытаете поймать связь там?

Том с сомнением взглянул в полутемное помещение. Портье как будто прочитал его мысли.

– Можно включить свет, никаких проблем. Может, вам принести чего-нибудь из бара?

– Очень любезно с вашей стороны.

Несколько секунд спустя портье скрылся в баре. Том подхватил лэптоп, быстро передвинул вазу с сухими лепестками на шесть дюймов влево и последовал за ним.

– Что вы читаете? – громко спросил он. Из-за столика, который он выбрал, можно было наблюдать за холлом. Портье возился с панелью с выключателями,

расположенной возле надписи «Пожарный выход». Том так и не заметил никаких признаков видеокамер.

– Это учебник, – так же громко ответил портье. – Я учусь в коллеже. Изучаю квантовую физику.

В этой области знания Тома практически равнялись нулю: пара когда-то прочитанных и полузабытых отзывов на книгу, случайно услышанное интервью в программе Start the Week. Тем не менее, пока портье наливал минеральную воду, ему удавалось поддерживать разговор о черных дырах и Стивене Хокинге. Молодой человек представился ему как Пьер. За пару минут между ними установилась та странно-дружеская связь, которая может объединить двух незнакомцев ночью, когда весь мир вокруг спит. Интуиция подсказывала Тому, что он показался Пьеру общительным и безобидным. Возможно, ему даже нравилось, что выдалась возможность с кем-нибудь поговорить. Это помогало скоротать время.

– Кажется, появился сигнал, – объявил Том.

Пьер заправил в брюки выбившийся уголок рубашки и с облегчением улыбнулся. Том зашел в свой бывший почтовый ящик на сервере МИ-6 и стал читать старые сообщения.

– Я постараюсь закончить как можно скорее.

– Не торопитесь, месье Юниак, не торопитесь. Нам некуда спешить. Если вам еще что-нибудь понадобится, дайте мне знать.

Через пару минут раздался звонок в дверь. Пьер пересек холл, сбежал вниз по ступенькам и на некоторое время скрылся из вида. До Тома донесся взволнованный женский голос – что-то о «проклятой погоде» и о том, как ей «неловко врываться вот так среди ночи». Барбара.

– Сюда, мадам.

Пьер действовал ловко и с профессиональным шармом. Он забросил на плечо сумку, провел Барбару в холл и зашел за стойку, чтобы ее зарегистрировать.

Она вступила в игру как настоящий профи.

– О, рейс был просто ужасный. У меня сложилось ощущение, что капитан не вполне понимает, что он делает. Только что мы были в воздухе – и вот уже прыгаем по асфальту. Как будто это не самолет, а трактор. Прошу прощения, что говорю с вами не по-французски. В молодости я жила в департаменте Луара и могла неплохо изъясняться, но с возрастом такие вещи как-то испаряются из головы, вы не находите?

– Номер только для вас, мадам?

– Да, только для меня. Мой муж умер три года назад. Бедный котик. – Том чуть не поперхнулся своей минералкой. – Рак в конце концов его одолел. Вы так добры, что сумели выделить мне номер, хотя я позвонила вам уже почти перед самым прибытием. Знаю, я несносная. Не правда ли? В аэропорту было еще несколько человек, которые понятия не имели, где остановиться. Надо было ехать с ними в одной такси. Но я как-то запуталась и не знала, что делать. Должна сказать, этот отель очень, очень милый. Мой паспорт? Разумеется. И я полагаю, банковская карта тоже потребуется? Теперь их всюду спрашивают. Господи, так много всяких пин-кодов. И как, спрашивается, люди должны их помнить?

Том ухмыльнулся, глядя в лэптоп. От Барбары его скрывала стена, на которой висел черно-белый портрет Нины Симоне. Время от времени он стучал по клавиатуре, чтобы создать впечатление занятого человека. Тем временем Пьер передал Барбаре ключ от номера 232, рассказал, когда бывает завтрак, и отослал ее восвояси.

– Пожалуйста, нажмите кнопку третьего этажа, мадам, – добавил он, когда Барбара уже направлялась к лифтам. – Спокойной вам ночи.

Том взглянул на часы: 1:35. Он дал Барбаре еще десять минут на то, чтобы войти в номер и осмотреться, а потом послал сообщение, как они и договаривались.

«Контрольное время 1:45. В холле чисто. У вас?»

Она ответила мгновенно:

«Да. Выхожу на позицию. Буду на месте начиная с 2:00. Удачи».

Он как раз убирал телефон в карман, когда появился Пьер. Портье осведомился, не желает ли месье чего-нибудь из бара.

– Спасибо, – поблагодарил Том. – Ничего не нужно.

– А как Wi-Fi? Работает нормально?

– Абсолютно.

Он подождал, пока Пьер вернется за стойку, и послал сообщение Биллу Найту.

«Чисто?»

Никакого ответа. Часы в углу экрана ноутбука показали 1:57. Должно быть, Барбара уже на позиции. Том попробовал еще раз:

«Снаружи чисто?»

Билл по-прежнему молчал. Оставалось только продолжить операцию, как и было запланировано, и надеяться, что Билл держит ситуацию под контролем. Том выдернул ноутбук из розетки, сунул под мышку, взял со стола свой пустой стакан и подошел к стойке. Он поставил его справа от себя, возле пластмассовой коробочки, где лежали туристические брошюры. Пьер сидел в кабинете, пил кока-колу и наслаждался астрофизикой.

– Не могли бы вы подсказать мне кое-что? – спросил Том.

– Конечно, сэр.

– Сколько я плачу за номер? Мне пришло подтверждение из офиса, но цена там вроде бы ниже, чем мне помнится.

Слегка нахмурившись, Пьер разбудил компьютер, вошел в «Оперу» и кликнул на аккаунт Юниака. Том водрузил лэптоп на стойку, примерно дюймах в двух от вазы с сушеными лепестками.

– Сейчас посмотрим, – пробормотал Пьер. – Значит, так. Ваш номер...

Том слегка подтолкнул лэптоп локтем, ваза грохнулась на пол и разбилась на тысячу кусочков.

– Черт! – вскрикнул он по-английски. Пьер вздрогнул и отшатнулся.

– Merde![б - Дерьмо! (фр.)] – вскрикнул он одновременно с Томом. На полу красовалась мешанина из битого стекла и ароматных цветочных лепестков. Том немного полюбовался на свое творение.

– Извините. Мне очень жаль. – Он сказал это сначала по-английски, а затем повторил по-французски.

– Ничего страшного, сэр. Честное слово, ничего страшного. Бывает. Это все легко можно убрать.

Том нагнулся, чтобы подобрать самые крупные осколки. Он попытался вспомнить, как по-французски будет «веник и совок», но сумел выдать только:

– У вас есть пылесос?

Пьер вышел из-за стойки и встал рядом, прикидывая, как лучше поступить.

– Да, наверное, это хорошая мысль. У нас есть «Хувер». Сейчас я все уберу. Пожалуйста, не беспокойтесь, месье Юниак.

– Но вы должны позволить мне помочь вам.

Пьер присел на корточки и, к удивлению Тома, положил руку ему на плечо.

– Нет-нет. Вы гость. Пожалуйста, не волнуйтесь. Я все сделаю.

– Кажется, я видел чулан с пылесосом на лестнице, когда поднимался к себе в комнату. Вы там их храните? Давайте я принесу. Мне бы хотелось чем-то помочь...

Это было довольно рискованно – единственное слабое место в стратегии Тома. Не желая оставлять свое рабочее место без присмотра, портье мог и согласиться на предложенную помощь. Но как оказалось, Том определил его характер совершенно правильно.

– Нет-нет. Я сам принесу. Я знаю, где хранятся пылесосы. Просто подождите здесь...

В кармане завибрировал телефон. Пьер отошел, и Том прочитал сообщение. Найт наконец-то соизволил ответить.

«Все чисто, командор. Чище некуда».

– Вот скотина, – пробормотал Том. Он проводил взглядом поднимавшегося по лестнице Пьера, дождался, пока его не будет видно, и скользнул за стойку.

Глава 10

Барбара Найт закрыла за собой дверь, поставила сумку на пол возле ванной, налила себе коньяка из минибара и позвонила мужу.

Разговор получился лучше, чем она ожидала. Как выяснилось, Билл стрельнул сигарету у случайного прохожего, нашел скамейку на автобусной остановке футах в тридцати от входа в отель и теперь убивал время, пытаясь припомнить подробности некой интрижки, которая имела место больше чем двадцать лет назад. Бурного романа между дочерью одного ангольского нефтяного магната и французским послом в Лагосе. Когда Найты служили в Нигерии – они провели там три года, – это была тема для сплетен номер один.

– Ему в конце концов отрубили руку, да? Или что-то в этом роде, – спросил Билл.

– Дорогой, у меня сейчас нет на это времени, честное слово. – Барбара задернула занавески и включила одну из настольных ламп. – Кроме того, не руку, а палец, я думаю. И это был несчастный случай. Слушай, я позвоню тебе позже.

После этого она ответила на эсэмэску Келла, сняла блузку и юбку. Затем, одетая только в белый гостиничный халат и колготки, Барбара вышла из номера в коридор. В руках она держала пару туфель. Меньше чем через минуту она уже стояла на лестнице между площадками второго и третьего этажей. Барбара прислушалась. Скоро должен был появиться портье – молодой блондин с ужасными юношескими прыщами, который выдал ей ключ от номера всего несколько минут назад.

Пьер действительно появился в 2:04 и невольно вздрогнул, когда на его пути появилась фигура в белом, с всклокоченными седыми волосами, босая и с туфлями в руках.

– Мадам? С вами все в порядке?

– О, слава богу, вы здесь! – Барбара напомнила себе не переигрывать. – Боюсь, я... я потерялась. Видите ли, я хотела выставить за дверь туфли, чтобы их почистили, но как-то так получилось, что захлопнула дверь, и...

– Пожалуйста, не волнуйтесь, мадам, мы можем...

– И теперь мне ни за что в жизни не вспомнить, на каком этаже мой номер! – перебила его она. – Я помню, вы дали мне номер 232 – очень любезно с вашей стороны, но не могу найти...

Пьер помог мадам Найт спуститься на площадку второго этажа. Секретной разведывательной службе неожиданно повезло – бабушка молодого человека как раз находилась на ранней стадии старческого слабоумия, и он почувствовал к Барбаре Найт мгновенную симпатию. Пьер осторожно положил руку ей на плечо и сообщил, что будет счастлив сопроводить мадам Найт до ее номера.

– О, вы так добры! Вы очаровательный юноша! – Барбара сунула руку в карман и вытащила карточку-ключ от номера. – О, эта чертова штука у меня в кармане. Но видите – проклятый номер здесь нигде не написан!

Том действовал очень быстро. Система была открыта на главной странице, Пьер так и не успел из нее выйти. Пока портье помогал Барбаре Найт разрешить ее многочисленные проблемы, Том кликнул на «текущие данные», и перед ним открылась таблица, где содержалась информация о всех постояльцах, проживающих в отеле в настоящий момент. Номера комнат находились в левом столбце, даты располагались по горизонтали, в самой верхней строчке. Он нашел дату заезда Амелии, кликнул на номер 218 и получил доступ к данным по ее номеру. Он был вполне уверен в способностях Барбары Найт и потому решил рискнуть и сделать распечатку. Всего получилось три страницы. Здесь были все детали, касающиеся пребывания Амелии в отеле «Гиллеспи», включая заказы в номер, счета за прачечную и звонки, которые она сделала по гостиничному телефону. После этого Том вернулся на главную страницу, свернул бумаги, сунул их в задний карман и вышел из кабинета. Под стойкой ресепшн стояло кодирующее устройство для ключей-карточек. Он включил его, нажал на «регистрацию», набрал номер – 218, установил время пребывания – шесть дней, и ткнул на «создать». Справа от устройства лежала стопка белых пластиковых карточек. Том засунул одну из них в прорезь, прислушался к звуку – машина производила запись информации, потом вытащил карточку и положил ее в тот же карман, где уже находились бумаги.

К тому времени, когда вернулся Пьер, – еще минут через пять, не меньше, – Том успел подобрать почти все осколки стекла, что были разбросаны по полу, и уже собирал с ковра сухие цветочные лепестки.

– Не стоило беспокоиться, месье Юниак.

– Я просто хотел помочь, – объяснил Том. – Еще раз извините. Я чувствую себя ужасно виноватым.

Глава 11

Коридор третьего этажа был пуст. Подходя к номеру 218, Том слышал только гул кондиционеров; в отеле царила полная тишина. Он вдруг почувствовал, что безумно измотан. Адреналин от успешного проведения операции «Пьер» испарился, и к нему вернулись и усталость, и похмелье от вечеринки в Хэрни. К тому же сказывался недостаток сна.

Том сунул ключ в прорезь. Загорелся зеленый огонек под дверной ручкой, замок тихо кликнул. Том вошел в номер Амелии и тихо прикрыл за собой дверь. На какое-то мгновение ему стало страшно – перед глазами внезапно возникло видение: обнаженное тело Амелии, распростертое на кровати, истерзанное и все в крови, – но Том тут же отогнал его. Абсурдная галлюцинация.

Кровать была заправлена. Горничная аккуратно прибрала одежду Амелии и другие ее вещи. Номер был точно таким же, как и у него самого: к стене напротив кровати прикреплен телевизор, под ним письменный стол, окно с открывающейся вверх рамой и узенький балкончик, выходящий на бульвар Дюбошаж. Том прошел в ванную и тщательно все осмотрел. Ни зубной щетки, ни пасты; только пластмассовый контейнер для контактных линз и бутылочка с раствором для них же, фирмы ReNu. Расчески тоже нет, как и очков, и любимых духов Амелии, Hermès Calèche. По всей видимости, она точно знала, куда отправляется, и собрала все необходимые вещи.

Он заглянул в гардероб. На одной из полок находился маленький стальной сейф; он был закрыт. Разумеется, такой опытный сотрудник, как Амелия Левен, ни за что не рискнула бы класть в этот сейф ничего важного – в случае чего менеджер отеля мог бы открыть его меньше чем за тридцать секунд, но ведь она не ожидала никаких проверок из Лондона. Том вытащил сейф и развернул его на 180 градусов. К задней стенке была прикреплена маленькая металлическая пластинка, на которой указывались марка сейфа и его серийный номер. Он стер с нее пыль, позвонил в отдел техподдержки MI-6 и назвал пароль, который сообщил ему Маркуэнд. Ответил сонный техник, дежуривший где-то в

лабиринтах здания на Воксхолл-Кросс. Том сказал, что ему нужен четырехзначный код от сейфа марки Sentinel II, и продиктовал серийный номер.

– Ничего, если я пришлю ответ эсэмэской? – спросил техник.

Том сказал, что это вполне подойдет.

На нижней полке шкафа стоял большой чемодан, но кожаной сумки, которую Амелия обычно брала с собой в короткие поездки, не было. В другом отделении гардероба висели пиджак от костюма и юбка. Ни одна женщина не отправилась бы на юг Франции без самое меньшее трех разных нарядов; Том знал это наверняка. Один из них был на Амелии, значит, она взяла как минимум еще один. Он поставил чемодан на ковер и открыл его. Внутри было две скомканные рубашки, белье и пара колготок. Она просто сложила в чемодан грязную одежду. На крышке чемодана был карман, который застегивался на молнию. В нем Том нашел пару книжек в бумажных обложках, наушники, непечатую пачку сигарет и журнал Prospect. Он прощупал стенки чемодана на случай, если что-то было спрятано за подкладкой, но ничего не обнаружил. Он убрал чемодан обратно в шкаф и присел на кровать.

Часы показывали 2:47 утра. Где-то за окном заорали кошки. Том подумал о Найтах. Барбара была в своем номере через несколько дверей по коридору, Билл уже возвращался домой в Ментону. Они договорились встретиться в Vieux Nice – «Старой Ницце» – и вместе пообедать, но Том почти точно знал, что отменит обед. С Найтами он уже закончил. Ему неудержимо хотелось растянуться на кровати и поспать хотя бы несколько часов, но пока это было невозможно. Том проверил обе прикроватные тумбочки, но не нашел ничего, кроме неизбежной Библии Гедеоны и пары маленьких шоколадок, что обычно кладут на подушку в отелях. Обертки были нетронуты. На всякий случай он заглянул под кровать – вдруг там окажется лэптоп, или папка с файлами, или мобильный – и даже снял с рамы матрас, но обнаружил только катышки и немного пыли. В ящиках письменного стола нашлась писчая бумага, путеводитель Nice et les Alpes-Maritimes – «Ницца и Приморские Альпы» и брошюрка с основной информацией об отеле. Том не мог придумать, где еще можно поискать зацепки, которые помогли бы разгадать тайну местопребывания Амелии. Оставался только сейф и французский номер мобильного, который значился в распечатке; она звонила по нему с гостиничного телефона. Том уже позвонил контакту Маркуэнда в Центре правительственной связи; он сделал это практически сразу же, как вошел в номер, минут через пять после того, как распрощался с Пьером.

– Это может занять несколько часов, – сообщил ему бодрый голос в Челтнеме. – В это время мы всегда заняты – Аф-Пак как раз просыпается[7 - Аф - Пак (англ. AfPak) – неологизм, используемый преимущественно в англоязычных внешнеполитических кругах и публицистике для обозначения Афганистана и Пакистана как единого театра военных действий.].

«Интересно, кто позвонит первым, – подумал Том. – Наши техники или ЦПС?» Своего рода соревнование: кому более безразлична его критическая ситуация. Он вернулся в ванную и проверил сливной бачок и карманы двух свежих халатов, висевших на крючках за дверью. Потом осмотрел плитку и ковровое покрытие в комнате. Плитка нигде не отстала, ковер прочно держался на полу; значит, Амелия не могла спрятать там паспорт или сим-карту. Том тряхнул занавески и попытался бросить взгляд за телевизор. Ничего. В конце концов он сдался. Почему не звонят из Лондона?

Том лежал на кровати Амелии и как раз подумывал о том, чтобы все же вздремнуть пару часиков, когда телефон наконец просигналил, что пришло сообщение. Он слез с кровати и набрал на сейфе четырехзначный код. Раздался щелчок, показавшийся Тому небесной музыкой, и тяжелая дверца распахнулась.

Внутри лежал один-единственный предмет – ровно в центре. Добыча грабителя. Это были ключи от машины. Наклейка Avis на брелоке, две кнопки, запирающие автомобиль, металлический ключ, выдвигающийся при нажатии третьей.

Том закрыл сейф, положил ключи в карман и вышел из номера.

Глава 12

– Не можете уснуть, месье Юниак?

Радуюсь готовому предлогу, Том положил ладони на стойку, изобразил усталую улыбку и объяснил, что его уже много лет мучает бессонница. Но обычно небольшая прогулка помогает.

– Конечно. Позвольте, я открою вам дверь.

Том отметил, что ковер в лобби девственно чист – от битого стекла и лепестков не осталось ни следа, – и еще раз поблагодарил Пьера за то, что тот все убрал. Они спустились на несколько ступенек к входной двери, и уже через пять минут Том стоял у ворот подземной автостоянки на площади Маршаль. Он подумал, что Амелия, скорее всего, оставила машину там же, где и он.

Он ошибся. Том прошелся по всем четырем уровням, постоянно нажимая на брелок, приглядываясь, не мигнет ли где огонек. Стояла абсолютная тишина, воздух был спертым и затхлым. Светили тусклые желтые лампы. На нижнем уровне Том развернулся и снова направился вверх. Он еще раз прочесал всю стоянку, и опять безуспешно. В будке у шлагбаума дремал ночной сторож; ноги он пристроил на стол, руки сложил на груди, поверх свежего номера Paris Match. Том пальцем постучал в окно, и сторож тут же проснулся.

– Excusez-moi[8 - Извините (фр.)]. – Ни одна часть его тела тем не менее не шевельнулась – кроме глаз, они распахнулись, как у куклы. – Oui?[9 - Да (фр.)]

– Я думал, что сегодня утром оставил машину здесь, но почему-то не могу ее найти. Может быть, тут поблизости есть еще одна стоянка?

– Etoile, – пробормотал сторож и снова закрыл глаза.

– Прошу прощения?

– Nice Etoile. Rue Lamartine. Cinq minutes ? pied[10 - «Звезда Ниццы». Улица Ламартен. Пять минут пешком (фр.)].

Вторая стоянка находилась примерно на таком же расстоянии от отеля «Гиллеспи», в пяти минутах от площади Маршаль. Том шел по пустынным ночным французским улицам, вдыхая холодный воздух и чувствуя себя чужестранцем. На стоянке он проделал ту же процедуру – начал с нижнего уровня, постепенно поднимаясь вверх, то и дело нажимая кнопку на брелоке.

В конце концов он все же нашел ее. Амелия оставила машину на втором снизу уровне. Том повернулся, внимательно обводя глазами забитое машинами пространство, и вдруг заметил, что в дальнем углу стоянки мелькнули задние

фары. Темно-синий «рено-клио», втиснутый между старым белым фургоном и черным «сеат-альтеа» с марсельскими номерами. Ветровое стекло покрывал тонкий слой пыли. Том направился прямо к багажнику и распахнул его. Внутри лежали зонт и крепкие походные ботинки. Он вытащил их и поднял крышку отделения, где хранилось запасное колесо. Оно было на месте. Запаску удерживали пластмассовое крепление в центре и трос; Том освободил колесо и покатал его по полу.

Почти сразу же он увидел сверток, спрятанный в шине. В наволочку из отеля «Гиллеспи» были завернуты паспорт Амелии Левен, ее водительские права, банковские карты и ключи от дома. Сим-карту она положила в маленький чехольчик, свой «блэкберри», который обычно не выпускала из рук, – в плотный бумажный конверт с защитной пузырчатой пленкой внутри, а триста фунтов скрепила резиночкой.

Том положил сим-карту и «блэкберри» в карман пальто и осмотрел всю машину. Амелия почти не ездила в ней, это он понял сразу. Под ногами на водительском месте все еще лежала бумага с логотипом Avis, даже не измятая, и лишь чуть-чуть испачканная туфлями Амелии. Том вернул на место запаску, сунул зонт, ботинки и наволочку в багажник и закрыл автомобиль. Потом поднялся наверх, прошел триста метров на восток по бульвару Дюбошаж и позвонил в дверь отеля «Гиллеспи».

– Ну что, теперь вы готовы ко сну? – Пьер взглянул на часы на своем запястье, словно плохой актер.

– Готов, – подтвердил Том и едва удержался, чтобы не изобразить зевок в ответ. – Не могли бы вы оказать мне услугу?

– Конечно, месье Юниак.

– Не нужно будить меня утром. Я отменяю свою просьбу. Кажется, мне понадобится больше чем три часа сна.

Но уснуть Томасу Келлу все же не удалось.

Он постоял под душем, забрался в постель и попытался отрешиться от всех событий сегодняшнего дня, хотя это и было нелегко – они прокручивались в голове, как бесконечный фильм. Он позвонил Маркуэнду, узнать, нет ли новостей насчет французского мобильного номера, и запросил у техподдержки помощи по сим-карте «блэкберри». Было уже начало пятого. Том знал, что Маркуэнд должен перезвонить еще до семи и что в Челтнеме разберутся с номером уже через пару часов. Не было смысла даже закрывать глаза.

Комната отчего-то казалась ему странно чужой – полная тишина, приглушенное освещение. Том вдруг особенно остро ощутил собственное одиночество – сильнее всего с тех пор, как он покинул Воксхолл-Кросс. Как это часто случалось по ночам, он снова подумал, что всегда знал только одну жизнь, один способ существования, дорогу, идущую отдельно от всех прочих. Иногда Том чувствовал, что весь он, вся его личность сформировалась и выросла из одного-единственного таланта, способности скрываться и обманывать. Он даже не помнил, кем был до того, как в один прекрасный день, когда ему исполнилось двадцать, к нему обратились с интересным предложением.

Что же стало с жизнью, о которой он мечтал? С теми обещаниями, что он давал себе там, на другом берегу? Тогда Том рассказывал всем и каждому, что собирается написать книгу. Убеждал себя, что пойдет учиться на архитектора. И то и другое вдруг показалось ему настолько абсурдным, что он действительно засмеялся вслух. День за днем с начала года – один серый зимний день за другим серым зимним днем! – он старался вести себя как обычный гражданин, человек, который общается с друзьями, ходит к ним в гости, смотрит футбол, болтает ни о чем с незнакомцами в пабе. Он всерьез намеревался научиться жить по-другому – наверстать упущенное, пересмотреть все фильмы и сериалы на телеканале HBO, прочитать романы и мемуары, которые прошли мимо него. Но мир секретных служб неудержимо манил его к себе. На какое-то время Том даже поверил, что может в конце концов стать отцом, но теперь эта мечта была так же далека от него, как и исчезнувшая неведомо куда Амелия Левен.

Он подумал о Джордже Траскотте. Вот уж кому ее отсутствие действительно на руку. Мучаясь бессонницей, Том даже подумал: а уж не сам ли Траскотт устроил это исчезновение? Иначе зачем он организовал слежку за Амелией в Ницце? Почему послал на ее розыски именно Томаса Келла, почему выбрал именно его из всех своих людей? Том открыл глаза. В комнате было темно, только слабый

свет фонаря падал в окно. Он презирал Траскотта – не за чрезмерные амбиции, не за изворотливость и вечные аферы, а потому, что Траскотт символизировал собой ту атмосферу корпоративности в МИ-6, которая была так ненавистна Тому. Главным для Траскотта была не Служба, не защита государства, а собственное продвижение. Будь у него IQ пониже или эго чуточку поменьше, Траскотт, скорее всего, делал бы карьеру в соседней отрасли: например, был бы дорожным инспектором и контролировал соблюдение правил стоянки автомобилей или членом городского совета. По ночам ему снилось бы, как он сует под «дворники» талоны за неправильную парковку или выписывает штраф за шумовое загрязнение. Том чуть было не рассмеялся снова, но мысль о том, как Траскотт карабкается вверх по карьерной лестнице, ведя за собой огромную армию аппаратчиков и корпоративных юристов и принося талантливых сотрудников в жертву своему высокомерию, оказалась слишком депрессивной. Амелия Левен была, несомненно, последним барьером, удерживающим МИ-6 от превращения в одно из отделений комитета по охране труда.

Первым позвонил портье. Пьер забыл отменить просьбу Тома разбудить его утром, и ровно в семь раздался звонок, вытащивший его из постели. Том прикинул, что спал не более получаса. Еще через десять минут, снова стоя под душем, Том услышал знакомый рингтон своего мобильного. С головой намыленной шампунем, Том чертыхнулся сквозь зубы, выключил воду и вылез из ванной.

Звонил Маркуэнд, необыкновенно бодрый и жизнерадостный:

– Bonjour, Thomas. Comment allez-vous?[11 - Доброе утро, Томас. Как дела? (фр.)]
Правилом номер один в МИ-6 было не ныть, не жаловаться и никогда не показывать свою слабость, поэтому Том ответил таким же бодрым тоном:

– Je suis tr?s bien, merci, monsieur[12 - Очень хорошо, спасибо, месье (фр.)].

Он чувствовал себя школьником на уроке французского в начальной школе.

– Ты нашел ее «блэкбери»?

– В багажнике арендованной машины. Она оставила ее на стоянке, в четверти мили от отеля.

– Откуда у тебя ключи?

– Они были в сейфе в ее номере. Маркуэнд почуял неладное.

– Почему? – отрывисто спросил он.

– Ты меня спрашиваешь? Может быть, она не рассчитывала на то, что Траскотт пустит за ней своих людей. – Том помолчал, представляя, как Маркуэнд на другом конце провода нервно ерошит волосы. – Но у нее было время спокойно собраться, никаких следов спешки нет. В ванной не было зубной щетки и духов. Большой части ее одежды тоже нет. Она путешествует под другим именем, вероятнее всего в очках, и с собой у нее небольшая кожаная дорожная сумка. Возможно, она оставила ключи в сейфе именно потому, что хотела, чтобы я нашел ее, но это, конечно, маловероятно. Ее паспорт и кредитки были вместе с «блэкберри», ключами от дома и сим-картой. И все это – во взятой напрокат машине. Она явно не боялась, что тачку угонят.

Том хотел, чтобы «блэкберри» и сим-карту проверили – кто-нибудь, кто сможет взломать коды МИ-6. Оказалось, что Маркуэнд уже связался с нужным человеком в Генуе и он – то есть она – прибудет в Ниццу в середине дня.

– Эльза Кассани. Раньше работала на нас в Риме, теперь фрилансер. Сообразила, что на вольных хлебах она сделает куда больше денег. Может все – технические операции, сбор информации. У нее больше контактов, чем я могу себе представить. Вздорная, умная, суперисполнительная. Она тебе понравится. Очень рекомендую.

– Скажи ей, пусть позвонит мне, когда будет в городе. – Том сообразил, что если Эльза не побеспокоит его до полудня, то ему еще удастся несколько часов поспать. – Что у тебя еще?

– Звонили из Челтнема. Они проббили те номера, что ты дал. Один – это домашний номер Амелии в Уилтшире. Она звонила туда три раза за два дня. Должно быть, разговаривала с Жилем, потому что он как раз был там всю прошлую неделю. Насколько мы знаем, он ничего не слышал о ней с тех пор, как она исчезла. Каждый разговор длился меньше чем пять минут. – Маркуэнд секунду помолчал. – Наверное, Жиль просто вогнал ее в состояние комы –

невыносимо скучный субъект. – Том был слишком измотан, чтобы адекватно отреагировать на шутку. Он приоткрыл дверь и повесил на ручку табличку «не беспокоить». – Французский мобильный номер нам неизвестен. Он новый, приобретен в Париже четыре месяца назад. Зарегистрирован на некоего Франсуа Мало. Видимо, Амелия просто оставила сообщение на голосовой почте, потому что звонок длился не более тридцати секунд.

Том немедленно вспомнил:

– Мало – похороны в Четырнадцатом округе. Человек по фамилии Мало. – Он накинул на дверь цепочку. Маркуэнд всегда мыслил чуть-чуть медленнее, чем остальные, подумал Том.

– Да, точно. Очень хорошо, Том. Я знал, что мы поручили дело нужному человеку. Я попробую копнуть глубже. Гляди в оба.

Глава 14

У Эльзы Кассани было бледное лицо женщины, которая большую часть из своих двадцати семи лет провела за монитором в комнате с задернутыми шторами. Она оказалась подвижной итальянкой с пышной грудью и неизменной улыбкой на губах; в каждом ухе у нее было по несколько сережек. Эльза позвонила Тому на мобильный вскоре после двенадцати, и они договорились, что встретятся в кафе на улице Отель-де-Пост и Том передаст ей сим-карту и мобильный.

Сама передача произошла абсолютно в открытую. Следуя инструкции, Эльза надела шляпу, заняла столик и заказала кампари с содовой. («А, – сказала она самой себе, наслаждаясь игрой. – Потому что он красный».) Через несколько минут в кафе вошел Том, отыскал глазами шляпу и коктейль, вручил ей телефон и симку и сообщил, что результаты нужны ему «к вечеру». Потом он вышел и направился куда-то в сторону моря, а Эльза осталась сидеть за столиком. Никто из окружающих и глазом не моргнул. Никаких формальностей, предусмотренных для подобного рода встреч. Никаких московских правил.

Том забыл, что ему никогда не нравилась Ницца. Этот город совершенно не ассоциировался у него с Францией. Казалось, это город без истории, город, который никогда не страдал. Чересчур чистые улицы, нелепые пальмы, дурацкие пижоны, фланирующие по тротуарам, не слишком симпатичные девушки. Ницца была продезинфицированной игровой площадкой для богатых иностранцев, которым не хватало фантазии на то, чтобы как следует потратить свои деньги. «Место, куда уходит умирать загар», – пробормотал он вполголоса, припомнив старую шутку. Том вспомнил свой последний визит в Ниццу; он провел здесь одну ночь в 1997-м, разрабатывая одного из боевиков Подлинной Ирландской республиканской армии, который завязал дружбу с довольно противным отмывателем чеченских денег и гостил у него на вилле в Вильфранше. Том прилетел сырым майским утром, и город показался ему пустынно-призрачным и стерильным. Старый порт был пуст, окружавшие его кафе большей частью закрыты. В «Кафе де Турин» сидело не больше полудюжины посетителей, и, судя по лицам официантов, заказали они в общей сложности не больше полудюжины устриц. Теперь все выглядело совсем по-другому. Было лето, Ниццу наводняли туристы, заполонившие каждый квадратный дюйм пляжа, каждую примерочную в роскошных бутиках на улице Пароди и улице Альфонса Карра. Том пожалел, что не остался в отеле. Можно было заказывать еду в номер и смотреть фильмы по платному телеканалу и передачи на BBC World. Вместо этого он отыскал маленький ресторанчик в двух кварталах от моря, заказал несъедобный steak frites[13 - Стейк (фр.)] – официантка была очень хорошенькой, родом из Парижа и прямо-таки дымилась от желания заработать чаевые – и погрузился в сборник стихов Шеймаса Хини, который сунул в чемодан в последнюю минуту. За барной стойкой стоял владелец – мужчина лет пятидесяти, почти точная копия Джонни Холлидея. Он развлекался с айфоном, пытаясь поймать свое отражение в зеркале рядом. Том уже давно сделал вывод, что абсолютно все рестораны на юге Франции принадлежат вот таким вот мужчинам средних лет, женатым примерно в тридцать четвертый раз, с таким же брюшком, таким же загаром и с такой же сногшибательной красоткой в официантках – официантку он, несомненно, безуспешно пытается трахнуть. Конкретно этот к тому же постоянно почесывал зад, как Рафаэль Надаль перед подачей. Когда принесли счет, Том решил немного позабавиться. – Стейк был жесткий, – сказал он по-английски.

– Comment?[14 - Как? (фр.)]

Владелец бросил на него взгляд через плечо, как будто встречаться глазами с бриттом было ниже его достоинства.

– Я сказал, стейк был жесткий, – повторил Том и сделал жест в сторону кухни. – Еда здесь только чуть-чуть получше той, что подавали в Papillon.

– Quoi?[15 - Что? (фр.)]

– Вы считаете, это нормально – брать с туристов восемнадцать евро за жевательную резинку средней прожарки?

– Il y a un probl?me, monsieur?[16 - Какая-то проблема, месье? (фр.)] Том отвернулся.

– Не важно, – сказал он. Видеть, как Джонни Холлидей вышел из состояния своего самодовольного покоя – это уже было достаточное удовольствие. Официантка, которая, судя по всему, слышала их разговор, послала Тому игривую улыбку. Он оставил для нее на столе пятьдесят евро Траскотта и вышел на улицу, под лучи полуденного солнца.

Один мудрец сказал, что работа шпиона – это ожидание. Ты ждешь агента. Ждешь новостей. Ждешь прорыва. Том убивал время, прогуливаясь по улочкам Старой Ниццы, зашел в Музей современного и новейшего искусства, посмотрел на работы Ива Кляйна. Затем присел на металлическую скамью и проверил свой лондонский номер. Клэр оставила ему целый ряд сообщений, одно раздраженнее другого – пока ждала его в приемной консультанта по браку. Том совершенно забыл о том, что им был назначен прием.

«Огромное тебе спасибо. Я восхитительно провела время».

Ему не хотелось объясняться, рассказывать, что Маркуэнд решил вытащить его из забвения. Том быстро настроил ответ:

«Извини. Совсем забыл. Безумные 24 ч. Я Хороший».

Только после того, как Клэр ответила ему целой строчкой вопросительных знаков, Том сообразил перечитать свое СМС и обнаружил ошибку – он забыл вставить предлог[17 - Игра слов: nice (англ.) – хороший, Nice – Ницца.]. Он тут же перезвонил, но Клэр уже включила голосовую почту.

«Извини. Я понимаю, что не такой уж я и хороший, но я не это имел в виду. Это просто опечатка. Я хотел сказать, что я в Ницце. Ницца, которая во Франции. Мне пришлось срочно сюда выехать, неотложное дело. Я абсолютно забыл про встречу. Пожалуйста, извинись за меня перед...»

Но Том никак не мог вспомнить, как же зовут консультанта. Перед внутренним взором стояли только ее прическа, гладкое скучное каре, печенье на тарелке, громко тикающие часы на каминной полке...

«...перед добрым доктором. Скажи, что я был очень занят. Перезвони мне, если можешь. Я пока слоняюсь без дела, жду встречи».

Он знал, что Клэр соединит все точки и получит целую картинку. Ей были прекрасно известны все эвфемизмы, использующиеся в секретной службе, и она умела читать между строк. «Неотложное дело», «жду встречи», «пришлось срочно выехать». Томас Келл был опозорившимся шпионом, у него больше не могло быть никаких неотложных дел, и ему не надо было ходить ни на какие встречи. Зачем еще ему могло понадобиться срочно мчаться в Ниццу, если не по заданию МИ-6? Все то время, пока он трудился в секретной службе, Тому приходилось лгать Клэр об истинной сущности своей работы, и короткая передышка принесла ему настоящее удовольствие. Но теперь он снова погрузился в привычную ему среду недоговорок и тайн, среду, где он существовал двадцать лет. Этот навык – держать любого более или менее близкого человека на расстоянии вытянутой руки – Том приобрел на удивление легко; видимо, такова была и его природная склонность. Он так и не понял, почему Клэр так горела желанием обратиться к психологу. В их браке не было никаких «недостатков конструкции» – термин, который использовала консультант, постоянно и с явным удовольствием. Никакой «скрытой враждебности». В тех редких случаях, когда мистер и миссис Томас Келл

встречались, чтобы обсудить свое совместное будущее, они неизменно оказывались в постели. Утром они просыпались и с удивлением спрашивали себя: какого же черта они не живут вместе? Но причина была очевидна. Без детей никакого будущего у них быть не могло.

Эльза позвонила в пять, и они решили встретиться возле отеля «Негреско».

Ему показалось, что перед ним совсем другой человек. За те пять часов, что Эльза занималась телефоном, она полностью изменилась. На бледных щеках вдруг появился здоровый румянец, как будто она долго гуляла по пляжу, а ее глаза, тусклые и усталые утром, сияли. В кафе она выглядела замкнутой и заметно нервничала, сейчас же Эльза была оживленной и жизнерадостной. Она была так дружелюбна, что на секунду Том даже заподозрил, не велел ли ей Маркуэнд завоевать его доверие.

– Как прошел ваш день? – спросила Эльза. Они двинулись на запад, в направлении заходящего солнца.

– Отлично, – солгал Том. После невыносимо долгого дня он был рад ее обществу и не хотел портить общение жалобами. – Я пообедал, ходил в галерею, почитал книгу...

– Мне совсем не нравится Ницца, – вдруг заявила она. – Совершенно. – По-английски она говорила очень чисто и немного нараспев.

– Мне тоже.

Она быстро взглянула на него и улыбнулась – как будто заметила трещинку в его уравновешенности.

– Это непостижимо. Я обожаю Францию, мне все в ней нравится. Большие города – Париж, Марсель, еда, вино, фильмы...

– Бла-бла-бла... – вставила Эльза.

– ...но Ницца... она похожа на тематический парк с аттракционами.

- В ней нет души, - добавила она. Том секунду подумал.

- Точно. Да. Нет души.

На светофоре собралась длинная вереница автомобилей: был час пик. Они пересекли Променад-дез-Англе; двое мальчишек обежали их с обеих сторон и заставили почти прижаться друг к другу. Проститутка на высоких шпильках и в черной кожаной юбке выбралась из машины на разделительную полосу.

- В симке ничего необычного, - сказала Эльза, обходя скопление мопедов. - Я на всякий случай сверилась с Челтнемом.

- А «блэкберри»?

- Его использовали, чтобы выйти в скайп.

Ну конечно. При отсутствии безопасного канала связи скайп являлся первым помощником шпиона. Практически невозможно прослушать, трудно отследить. «Блэкберри» в данном случае ничем не отличался от обычного компьютера: Амелии понадобилась бы только пара самых простых и дешевых наушников. Возможно, она попросила их на ресепшн.

- Вы знаете, с кем она разговаривала?

- Да. Один и тот же аккаунт, один и тот же номер. Три разговора. Адрес скайп зарегистрирован на французский имейл.

- А имя там какое-нибудь есть?

- Один и тот же человек. Франсуа Мало.

- Да кто такой этот парень?! - Том на мгновение остановился. Вопрос был риторический, но Эльзе, кажется, было что сказать на этот счет.

- Думаю, я кое-что знаю. - У нее был вид студентки, ответившей на особенно каверзный вопрос. Она порылась в сумке, достала распечатку газетной статьи и протянула ее Тому. - Вы же знаете французский, да?

– Я знаю французский.

Они встали у балюстрады, с которой открывался вид на пляж. Позади них, уже наполовину скрытая сумерками, с шумом пронеслась компания на роликах. Статья была из Le Mond и рассказывала об ужасном случае в Шарм-эль-Шейхе. Французская пара, представители среднего класса. Отпуск мечты. Женаты тридцать четыре года. Зверское убийство – изрезаны ножами и забиты металлическими прутами на пляже в Синае.

– Не самая приятная смерть, – заметила Эльза. Явное преуменьшение, подумал Том.

Она вытащила сигарету, повернулась спиной к ветру и закурила.

– Можно и мне одну? – спросил Том. Она коснулась его руки; в глазах отразился огонек зажигалки. Между ними вдруг возникла легко объяснимая близость: двое незнакомых друг другу людей в чужом городе, связанные одним заданием, одними секретами... Том знал эти признаки наизусть. Он сталкивался с таким не раз и не два.

– Франсуа Мало – их сын, – сказала Эльза. – Он живет в Париже. Ни братьев, ни сестер, ни жены, ни подружки.

– Это Челтнем сказал?

– Для этого мне не нужен Челтнем, – отрезала Эльза и выпустила облако дыма. – Такую информацию я вполне могу раскопать сама.

Том несколько удивился этой вспышке высокомерия, но решил, что Эльза, вероятно, хочет произвести на него впечатление. Если он положительно отзовется о ней в Лондоне, это пойдет ей на пользу.

– И откуда вы ее взяли? «Фейсбук»? «Майспейс»? Эльза отвернулась и уставилась на пляж. Мужчина в белой рубашке шел по песку к воде, очень быстро и очень целенаправленно, как будто не собирался останавливаться, пока не достигнет Алжира.

– Из источников во Франции. «Майспейс» уже не пользуется популярностью. – Она сказала это так, будто Том был последним человеком в Европе, который об этом не знал. – Во Франции все пользуются «Фейсбуком» или «Твиттером». Насколько я понимаю, у Франсуа нет профиля ни в одной из социальных сетей. Либо он слишком охраняет свою частную жизнь, либо просто невероятно... – Она поискала нужное слово в английском, не нашла и закончила по-итальянски: – Figo. Крутой.

Мимо проехала «скорая», беззвучно мигая желтыми огнями. Том с детства терпеть не мог «скорые», при виде них он всегда испытывал суеверный ужас и отчаяние. Он проводил машину глазами, чувствуя, как неприятно похолодело в желудке.

– Что-нибудь еще? – спросил он. – Что-то необычное в «блэкберри»?

– Конечно. – Тон Эльзы как будто подразумевал, что у нее в запасе еще полно тайн и необыкновенных открытий. – Пользователь заходил на сайты двух авиакомпаний, «Эйр Франс» и «Тунисэйр».

Том хорошо помнил досье Амелии, но никак не мог связать год, что она провела в Тунисе, будучи студенткой и подрабатывая няней, с ее внезапным исчезновением более чем тридцать лет спустя. Может быть, МИ-6 работает над секретной операцией? Возможно, даже совместно с американцами. После Бен Али Тунис вполне созрел, и его оставалось только сорвать с ветки.

– Она заказала билеты?

– Трудно сказать. – Эльза нахмурилась и с силой затушила окурок, как будто во всем были виноват «Мальборо». – Это не точно, но был какой-то перевод денег с кредитки в «Тунисэйр».

– На чье имя была кредитка?

– Я не знаю. И какова переведенная сумма – тоже. Когда дело связано с банками и их кодами, все гораздо труднее. Но я передала все детали, которые нашла, одному из своих контактов. Я уверена, они смогут отыскать концы.

Том попытался сложить все кусочки головоломки воедино. Тот факт, что Амелия оставила свою арендованную машину в Ницце, почти наверняка означал одно: она покинула Европу на самолете. Учитывая информацию из «блэкберри», логично было бы предположить, что она отправилась в Тунис. Но зачем? И куда именно? Давным-давно у МИ-6 был небольшой пункт в Монастире. Или Амелия непосредственно в Тунисе? Эльза и тут предоставила ему ответ.

- Есть еще одна вещь. Первостепенной важности.

- Да?

- Мобильный телефон Франсуа Мало. Его отследили. Судя по всему, он уже не в Париже. Кажется, Франсуа отправился в отпуск в Тунис. Сигнал поступает из Карфагена.

Глава 15

Том зашел на стоянку, снова положил сим-карту и «блэкберри» Амелии в багажник ее машины и вернулся в отель «Гиллеспи». Он сунул ключи обратно в сейф, убедился, что номер Амелии выглядит точно так же, как до его прихода, и со своего ноутбука заказал билет на самолет до Туниса. К семи часам он был уже на пути в аэропорт Ниццы. «Ситроен» он отогнал в Hertz.

На одиннадцать часов была назначена забастовка французских грузчиков, служащих в аэропорту, но самолет Тома поднялся в воздух вскоре после десяти, и меньше чем через час он уже приземлился в раскаленном добела Тунисе-Карфагене. В Центре правительственной связи были уверены, что Франсуа Мало находится где-то в Гаммарте, дорогом курортном пригороде, излюбленном месте отдыха богатых туристов, финансистов и дипломатов, уставших от суетливого центра Туниса. Сигнал мобильного Мало исходил с самого побережья; в этом районе располагались сразу два пятизвездочных отеля, а к ним примыкало поле для гольфа с девятью лунками. Франсуа Мало мог жить как в одном, так и в другом. В первом - «Валенсия Карфаген» - гость с таким именем не значился, зато во втором - «Рамада Плаза» - администратор охотно соединил его с номером месье Мало. Том позвонил в оба отеля из телефонной будки в аэропорту Ниццы. Он запомнил номер комнаты - 1214, - но дал отбой, не

дожидаясь, пока Мало снимет трубку. Через три минуты он снова позвонил в «Рамада Плаза», попал на другого администратора и попытался забронировать номер для себя.

Однако здесь возникла небольшая проблема. Лето было в разгаре, на дворе стоял высокий сезон, и мест в «Рамаде» не было. В аэропорту Туниса Том еще раз набрал номер отеля, в надежде, что, пока он был в воздухе, кто-нибудь отказался от брони, но администратор был непреклонен. В ближайшие четыре дня свободных номеров не будет. Она предложила ему попробовать «Валенсию Карфаген», дальше по побережью. Том поблагодарил администратора за подсказку, во второй раз позвонил в «Валенсию» и заказал номер на шесть ночей с полным пансионом по кредитке Юниака.

«Валенсия» располагалась всего в получасе езды от аэропорта, но такси Тома застряло в плотном потоке транспорта, движущегося к северо-востоку, на побережье. Шоссе было двухполосное; машины выезжали на обоюбную, на разделительную полосу и даже время от времени выскакивали на встречку в попытке объехать пробку. «Африка», – подумал Том, откинулся на спинку сиденья и стал с наслаждением наблюдать за шоу, творившимся на дороге. У такси была трещина в лобовом стекле. Водитель, пожилой мужчина, любитель творчества Джорджа Майкла среднего периода, нырнул то вправо, то влево; по обеим сторонам шоссе тянулись возделанные поля и остатки каких-то начатых и заброшенных построек из шлакобетона. По обочинам неторопливо брели пешеходы, и старые, и молодые; в воздухе стоял оглушительный шум – рев двигателей и бесконечные гудки.

В конце концов они миновали самый напряженный участок и выбрались на окраины Ла-Марсы. Такси покатило по прибрежному шоссе. Здесь на каждом шагу встречались дипломатические резиденции, а подъезд к отелям «Рамада Плаза» и «Валенсия Карфаген» охранялся блокпостом. Трое солдат в форме цвета хаки держали в руках автоматы – им было приказано проверять каждый автомобиль, направляющийся к комплексу отелей и ночных клубов, которые выстроились вдоль побережья. В эту эпоху массового туризма Тунису был совершенно не нужен исламский террорист-смертник, который подорвал бы себя где-нибудь на переполненной автостоянке возле отеля. Самый молодой солдат заглянул внутрь и внимательно осмотрел Тома. Том кивнул и слегка улыбнулся. Машину пропустили дальше.

«Валенсия» располагалась на сорока акрах земли, примыкающей непосредственно к территории отеля «Рамада». Маркуэнд распорядился, чтобы на стоянке Тома ждал автомобиль. Зная номер и цвет, он быстро отыскал «рено-меган» среди других; ключи лежали в выхлопной трубе, как и было условлено. Портье, с короткими черными волосами, в темных брюках и бордовом жилете, встретил Тома на подступах к отелю и обрадовался ему, словно родному брату. Не обращая внимания на протесты, он водрузил сумку Тома на тележку и торжественно повез ее ко входу – хотя нужно было всего лишь въехать вверх по пандусу. В отеле царила блаженная кондиционированная прохлада. Том дал портье на чай, оставил сумку на тележке и пошел осматриваться.

Лобби с яично-желтыми стенами было более чем просторным – три этажа. Том подумал, что все это похоже на мексиканский ресторан в каком-нибудь пригородном торговом центре, раздутый до размеров самолетного ангара. На первом этаже находились два обеденных зала, бар с фортепиано – пианист, разумеется, наигрывал джазовые мелодии – и маленькое кафе в фальшиво-мавританском стиле. В кафе сидели двое туристов в бейсболках, потягивали мятный чай из стаканчиков и курили фруктовый кальян. Вне всяких сомнений, они полагали, что участвуют в самой настоящей, аутентичной тунисской церемонии. Рядом располагался сувенирный магазинчик с обычным ассортиментом – брелоки-верблюды и солнцезащитные средства по заоблачным ценам. Он купил Herald Tribune и встал в очередь у ресепшн. Слева от нее, через еще одно, внутреннее лобби, был обширный спа-комплекс с хаммамом, массажными кабинетами и бассейном с морской водой. Мимо то и дело проходили постояльцы в белых гостиничных халатах. На носу у одной из женщин Том заметил медицинскую повязку. У итальянки средних лет, что стояла в очереди прямо перед ним, нос был тоже заклеен, а под глазами красовались страшные черные синяки, как будто кто-то избил ее в приступе ревности. Добравшись наконец до администратора, Том спросил у нее, что происходит:

– Почему у всех челюстно-лицевые травмы?

– Простите, сэр?

– Повязки, – пояснил Том и показал на лицо. – У многих постояльцев сломаны носы. Как у Джека Николсона в «Китайском квартале». В чем дело?

Администратор, молодая тунисская девушка в голубой косынке, улыбнулась. Она хорошо говорила по-английски.

– У нашего отеля есть связь с клиникой пластической хирургии в Италии, мистер Юниак. Их клиенты часто приезжают сюда восстановиться после операции.

Том кивнул. Он попытался представить себе нос Амелии Левен – может ли быть так, что глава Секретной разведывательной службы прячется в Северной Африке после пластической операции? – и решил, что это совершенно невозможно.

Его номер был в самом конце длинного, метров в триста, коридора, в западном крыле. Окна выходили на бассейн, возле которого был собственный бар, ресторан и по крайней мере семьдесят лежаков с зонтиками. Том заказал еду в номер – клубный сэндвич – и позвонил Джимми Маркуэнду, чтобы доложить ему текущую ситуацию. В МИ-6 хорошенько порылись в базах данных и наконец раздобыли единственную фотографию Франсуа Мало, которую Маркуэнд и прислал Тому на электронную почту и на мобильный.

– Красивый гад, – пробормотал Том, открывая приложение. На снимке Мало стоял рядом с четырьмя другими мужчинами в деловых костюмах. Под фото была подпись: «IT-консультанты». Мало было лет тридцать с небольшим; его густые черные волосы были зачесаны на сторону, на сильном, волевом подбородке проступала едва заметная щетина. Он слегка улыбался, одним уголком губ, уверенно и чуть самодовольно. В точности тип Амелии, подумал Том, и Маркуэнд как будто прочитал его мысли:

– Ты думаешь, у них интрижка?

– Я ничего не думаю. – Том аккуратно снял приставшую ниточку со спинки кресла. – Может быть, ее здесь и нет. Вполне вероятно, что Мало – ложный след.

– Тебе не кажется, что есть что-то зловещее в убийстве его родителей? Может, тут какая-нибудь связь?

– Разве не для этого я здесь? Все узнать и все выяснить?

Принесли сэндвич, и Том закончил разговор. Интересно, почему в Лондоне так уверены, что в исчезновении Амелии есть некий сексуальный подтекст? Насколько ему было известно, за всю долгую карьеру у Амелии было всего два

серьезных романа, не считая мужа: с американским бизнесменом, который недавно обосновался в Орегоне, и с женатым коллегой из МИ-6, Полом Уоллингером. На данный момент он являлся главой отделения в Анкаре. И тем не менее этого хватило, чтобы создать ей репутацию бесстыжей соблазнительницы среди полностью мужского сообщества МИ-6. Но как бы она нашла время, при своей занятости, завести роман с французом по крайней мере на двадцать лет моложе?

Разумеется, это могло быть и что-то другое. Например, Мало – сотрудник французской разведки – DGSE или DCRI[18 - DGSE – Direction Generale de la Securite Exterieur (фр.) – Главное управление внешней безопасности; DCRI – Direction Centrale du Renseignement Interieur (фр.) – Центральное управление внутренней разведки.], и они вместе с Амелией участвуют в секретной операции. Это объясняло бы, почему в базах данных МИ-6 так мало информации об этом человеке. Но зачем тогда Амелия помчалась утешать его после смерти родителей? Между ними должна была быть какая-то эмоциональная связь, нечто большее, чем просто деловые отношения.

Доев сэндвич, Том не стал распаковывать сумку, а решил прогуляться по территории отеля, ознакомиться с обстановкой и, возможно, поискать Мало в «Рамада Плаза». Он купил в сувенирном магазине панаму и двинулся мимо бассейна к пляжу. На мягком песке были расставлены лежаки и шезлонги, служащие отеля суетились вокруг гостей, разнося напитки. Неподалеку стояли ослики и худые верблюды, готовые в любой момент отвезти желающих на прогулку. У кромки воды шла фотосессия; у модели, одетой в купальник, были длинные черные волосы и ярко-алые губы. Кайт-серферы выделывали трюки на волнах, напрасно стараясь произвести на нее впечатление. Том снял ботинки и пошел босиком по горячему песку; в спину ему дул теплый западный ветер. Метров через двести перед ним предстала точно такая же картинка, только уже возле отеля «Рамада». Гости, загорающие в шезлонгах, служащие, готовящие напитки и закуски в деревянной хижине на сваях, ослики, верблюды, зазывалы... Том подумал о Филиппе и Жаннин Мало, на которых напали точно на таком же пляже, в нескольких метрах от пятизвездочного отеля, и зверски убили за пару серебряных украшений.

Над верхушками пальм возвышалась белая громада «Рамады». Он выбрал узкую тропинку, которая вилась между зарослями бамбука и каких-то песчаных трав. Пожилая леди в белой косынке, шедшая навстречу, поздоровалась с ним так непринужденно, будто они были на пляже Камбер-Сандс в Великобритании.

Слева доносились редкие, неритмичные шлепки: кто-то играл в теннис, и играл из рук вон плохо. Наверняка перегревшиеся на солнце старики, подумал Том. В конце концов тропинка вывела его к большому бассейну в форме восьмерки – заметно более просторному, чем тот, что был виден из окна номера Тома в «Валенсии». Здесь было больше пластиковых лежаков и столиков; с трех сторон бассейн окружало здание отеля. Том понимал, что привлекает к себе слишком много внимания – одинокий мужчина не в пляжной одежде, поэтому он подошел к небольшому кафе под навесом и присел за стойку. Стояла невыносимая жара. На полке в глубине виднелась итальянская кофемашина и бутылки с безалкогольными напитками. Возле маленькой раковины были сложены керамические пепельницы. Том внимательно осмотрел те лежаки, что открывались его обзору, надеясь найти Амелию или мужчину, похожего на Мало, но разглядеть лица было практически невозможно. По меньшей мере половина загорающих лежали на спине и дремали на боку, лица другой половины были скрыты книжками или газетами. Том встал и решил, что придется еще немного и заглянет в отель.

Он вошел через боковую дверь. Лобби в «Рамаде» было гораздо более строгим, чем в «Валенсии», и больше похоже на лобби бизнес-отеля, расположенного в центре большого города. Какая-то пара у ресепшн – мужчина и женщина значительно моложе его – ссорилась по-русски. У женщины, крашеной платиновой блондинки, затянутой в белую кожу, было кислое и недовольное выражение лица, как у любовницы, которой до смерти надоела ее второстепенная роль. Остальными постояльцами, судя по всему, были пожилые пары из Великобритании. Пятеро из них как раз сидели на большом диване в форме буквы L, в самом центре лобби, окруженные чемоданами на колесиках и пакетами, набитыми тунисскими сувенирами и спиртным. Том обогнул диван, прошел через автоматические двери и оказался на автостоянке, откуда был виден южный фасад «Валенсии». Он двинулся к дороге, разделяющей два отеля, мимо одинокого служащего в белой будке, в задачу которого входило поднимать и опускать шлагбаум. Здесь он увидел то, что искал. Семь желтых такси, выстроившихся в ряд, поджидающих гостей из того или другого отеля. Том подошел поближе и спросил у водителей, сколько времени займет доехать до центра Туниса. Ничего серьезного, только самая невинная тема.

– Вы ищете такси, сэр?

Таксисту, который задал вопрос, было лет двадцать семь – двадцать восемь. На нем была майка с эмблемой футбольного клуба «Барселона», кроссовки

«Адидас» и вытертые джинсы. Возможно, ветеран Жасминовой революции, подумал Том. Но все равно – слишком молод и эмоционален для той задачи, которая стояла перед Томом.

– Не сейчас. Пока я просто интересуюсь, сколько это займет.

Его внешность привлекла внимание другого таксиста, лысого и квадратного, в рубашке с воротничком и отглаженных брюках. Быстрые, умные глаза, ленивая улыбка и довольно объемный живот – в точности такой человек и нужен был Тому. С жизненным опытом и осторожный; этот не станет рассказывать всем своим приятелям о неплохих деньгах, которые он вот-вот заработает.

– Bonjour.

– Bonjour, – ответил таксист.

Они немного постояли в тени бугенвиллеи, усыпанной пурпурными цветами, и поговорили о достопримечательностях Туниса. Потом молодого таксиста отвлек звонок мобильного, и Том остался вдвоем с пожилым.

– Вы работаете возле этих отелей постоянно? – спросил он, переходя на арабский.

– Да, сэр.

– А в какие часы?

Таксист пожал плечами, как будто понятие «с девяти до пяти» совершенно его не касалось.

– Вы можете отвезти меня в Ла-Марсу?

Конечно, это было рискованно, но Тому был нужен водитель, который был бы в его полном распоряжении; кто-то, кто сможет последить за Мало. Обычно МИ-6 предоставляла для таких целей агента-помощника, но операция «Амелия» проводилась негласно, и Том был вынужден выкручиваться самостоятельно. Вопрос был в том, можно ли доверять таксисту быть его второй парой глаз. Том

забрался на пассажирское сиденье «Пежо-206» – машина была аккуратной и в очень хорошем состоянии – и велел водителю ехать по направлению к пляжу. Он представился как Стивен, и они пожали друг другу руки.

– Сэми.

Примерно через милю, после блокпоста, Том попросил Сэми затормозить. Двигатель он заглушать не стал, чтобы работал кондиционер. Том повернулся к таксисту лицом и посмотрел ему в глаза:

– Я хочу сделать вам деловое предложение.

– О'кей.

Реакция Тому понравилась: легкий кивок и ленивый взгляд на счетчик.

– Что вы делаете в ближайшие несколько дней?

– Я работаю.

– Не хотите поработать на меня?

– О'кей.

И снова бесстрастный кивок. Где-то вдалеке послышался шум трактора.

– Я здесь по делу. Мне нужен будет водитель по первому требованию, с раннего утра до позднего вечера. Вы сможете с этим справиться?

Сэми секунду подумал:

– О'кей.

– Я буду платить вам пятьсот динаров в день, первая выплата авансом.

Это равнялось примерно двумстам фунтам, серьезная сумма для жителя Туниса, который зарабатывал не больше тысячи динаров в месяц. Том передал водителю деньги. Сэми по-прежнему сохранял непроницаемо-невозмутимый вид.

– Остальные выплаты будут в конце каждого второго дня. Я не хочу, чтобы вы кому-нибудь рассказывали о нашем уговоре. И еще – я могу попросить вас следовать за тем или иным человеком, если он выйдет из отеля. Для вас это не проблема?

– Не проблема.

– Отлично. Если мне понравится, как вы работаете, я дам вам бонус в тысячу динаров.

– Я понял. – Сэми серьезно кивнул. Судя по всему, он понял, как важно держать рот на замке. Двое мужчин снова пожали друг другу руки, и таксист наконец улыбнулся. На приборной доске была фотография двух маленьких девочек, одетых в розовое, на каком-то празднике.

– Ваши? – Том показал на снимок глазами.

– Мои внучки, – подтвердил Сэми. Упоминание его семейства как будто скрепило их сделку. – У меня есть сын. В Марселе. В ноябре я поеду его навестить.

Том вытащил телефон, нашел фотографию Мало и показал ее таксисту:

– Вот человек, который меня интересует. Он вам не знаком?

Сэми надел очки для чтения, рассмотрел фото и покачал головой.

– Он живет в «Рамаде», – пояснил Том. – Может быть, он будет с этой женщиной. Она англичанка, он француз. – Он открыл фотографию Амелии. Это была копия фото с паспорта, и качество снимка было неважным. – Если кто-нибудь из них выйдет из отеля и будет искать такси, постарайтесь, чтобы это были вы. Если нужно, договоритесь с другими водителями, чтобы это были только ваши пассажиры. Расскажите мне, куда они поехали и с кем вы их видели. Если придется следовать за ними, делайте это как можно более незаметно, но

обязательно позвоните мне по этому номеру перед тем, как отъедете. Может, я успею спуститься вниз и поехать с вами или поеду в другой машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

SWAT (Special Weapons And Tactics (англ.) – «Особое оружие и тактика» – элитные боевые полувоенные подразделения американских полицейских департаментов, предназначенные для выполнения опасных операций, аналог российского СОБРа.

2

Римингтон Стелла – первая женщина – генеральный директор МИ-5, Службы безопасности, государственного ведомства британской контрразведки. Занимала пост с 1992 по 1996 г.

3

Мой дорогой! (фр.)

4

Да, добрый вечер, месье Юниак (фр.).

5

Нет проблем (фр.).

6

Дерьмо! (фр.)

7

Аф – Пак (англ. AfPak) – неологизм, используемый преимущественно в англоязычных внешнеполитических кругах и публицистике для обозначения Афганистана и Пакистана как единого театра военных действий.

8

Извините (фр.).

9

Да (фр.).

10

«Звезда Ниццы». Улица Ламартен. Пять минут пешком (фр.).

11

Доброе утро, Томас. Как дела? (фр.)

12

Очень хорошо, спасибо, месье (фр.).

13

Стейк (фр.).

14

Как? (фр.)

15

Что? (фр.)

16

Какая-то проблема, месье? (фр.)

17

Игра слов: nice (англ.) – хороший, Nice – Ницца.

18

DGSE – Direction Generale de la Securite Exterieur (фр.) – Главное управление внешней безопасности; DCRI – Direction Centrale du Renseignement Interieur (фр.) – Центральное управление внутренней разведки.

Купить: <https://telnovel.com/ru/charlz-kamming/chuzhaya-strana-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)